

ИЗБРАННОЕ

1

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВА

МОЙ БИЙСК, МОЯ СИБИРЬ

Роман - признание в любви

КНИГА 1

Людмила Козлова

**Мой Бийск, моя Сибирь. Роман
– признание в любви. Книга 1**

«МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЭЛЕКТРОННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ»

2017

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Козлова Л. М.

Мой Бийск, моя Сибирь. Роман – признание в любви. Книга
1 / Л. М. Козлова — «МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ», 2017

Город, о котором я буду рассказывать, существует только для меня. Стоит отвернуться, отвести глаза, и реальность, принадлежащая другим людям, затмит и уничтожит его. Мой Бийск живёт в параллельном и невероятно сложном мире, подобном пространствам Римана, лишь иногда пересекаясь с городом, знакомым историкам, журналистам, школьникам, нарисованным поэтами в стихах.

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Козлова Л. М., 2017
© МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЦЕНТР ЭЛЕКТРОННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
РЕСУРСОВ, 2017

Содержание

1. Мой город	6
2. Рябиновая сказка	7
3. Давняя, давняя новогодняя сказка	9
4. Мальчик – счастье	13
5. Крещенская сказка	14
6. Блинный или былинный? День	16
7. Первый городской частный музей и Таракай	18
8. Бийск после наводнения	20
9. Я пыталась уехать	22
10. Лимонный, с малиновой нотой	23
11. Когда-то, в молодёжном городке	24
12. Улица Льва Толстого	26
13. Вождь им в помощь!	28
14. Мой Бийск в 80-х	29
15. Душа старинного Бийска	30
16. Переулок Фомченко, 20	34
17. Трамвай SALVADORE	38
18. Гейдекштрассе	39
19. Я вернулась	40
20. В городе крыш	41
21. В старом центре	44
22. Дом мой и храм мой – Бийск	45
23. «А мне повторенья не будет...»	47
24. На улице Мерлина	50
25. НА УЛИЦЕ МУХАЧЁВА	53
26. Ничего случайного...	55
27. Конверсия	58
28. ОДНА ДОМА, ОДНА В МИРЕ...	60
29. Мой Бийск – это мой сын	61
30. Моя первая профессия	74
31. Моя вторая профессия	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Людмила Максимовна Козлова
Мой Бийск, моя Сибирь. Роман
– признание в любви. Книга 1

© Л. М. Козлова, 2017

© Электронное издание, ООО «МЦ ЭОР», 2017

1. Мой город

Город, о котором буду рассказывать, существует только для меня. Стоит отвернуться, отвести глаза, и реальность, принадлежащая другим людям, затмит и уничтожит его. Мой Бийск живёт в параллельном и невероятно сложном мире, подобном пространствам Римана, лишь иногда пересекаясь с тем городом, что описан в трудах историков, журналистов, в сочинениях школьников, в стихах поэтов.

У Моего Бийска своя история. Она не укладывается в рамки линейного времени и трёхмерного мира. Здесь множество исходных точек, легко превращающихся в конечные или в неизведанные ответвления пространства, поэтому город может строиться, начиная с любого места и любого момента времени.

Мой Бийск – это роман. Родившись однажды малым побегом из невидимого зёрнышка в сознании, он уже никогда не закончится. Это роман-дерево, от космического ствола которого будут расти бесчисленные ветви и ветви ветвей. И в каждой из них – образы города в тысячах вариантов, во временных, пространственных, виртуальных отражениях и отражениях отражений. Здесь нет сюжета, нет хронологии. Кто-то скажет, что это не роман. А я говорю – роман. Мой роман с моим городом.

Бийск в параллельном мире, вернее в параллельных пространствах моего мира, живёт, стучится в сердца людей и одновременно не существует нигде, кроме сиюминутного образа в моём сознании. Не удивляйтесь, друзья, но ни один из тех, кто, как считается, управлял городом или числился знаменитым, не оставил следа в Моём Бийске. Кроме... одной женщины, которая стояла у руля некоторое время. Не знаю, какую она была в роли главы города, но её образ для меня совместился с одной осенней сказкой.

2. Рябиновая сказка

Каков наш город сегодня? Он похож на Новый Вавилон, вобравший в себя прошлое, и в то же время – в его плоть вклинилось будущее. Однажды, друзья мои, мне довелось увидеть это воочию.

Торопилась, опаздывала на встречу с одной знакомой. А тут автобус сорок седьмого маршрута подкатил, и дверца сама собою откинулась, и сидений пустых обнаружилось множество. Глазом отметила на маршрутной табличке конечный пункт – центр города, и прыгнула внутрь: – Авось, доберусь!

Сначала маршрутка бежала привычным путём. Но на перекрёстке Митрофанова и Мерлина вместо того, чтобы свернуть к вокзалу, вдруг двинулась по прямой без остановок. И моргнуть не успела, как уже привычный поворот остался далеко позади. Промелькнула Иркутская, но автобус уходил всё дальше, в сторону окраины. И только на Угольной свернул в направлении центра.

– Ничего, – сказала я себе. – Выйду через три остановки, это будет где-то как раз напротив нужного дома. Опоздать-то, я всё равно опоздала.

Так и сделала.

Когда закончились берендеевы деревянные избушки, я оказалась на переходе через рельсовые пути. Слева выглядывал игрушечный теремок вокзала. Направо – рельсы уходили вдаль и упирались на горизонте в недоступные небеса. Прямо по курсу передо мной раскинулась улица МПС, единственная в городе, по которой проносились скорые поезда и увозили пассажиров в иные миры – куда-то вглубь необъятной, тоскующей по людям страны.

Запах просмоленных шпал, далёкие гудки электровоза, зелёные длинные тела пассажирских составов, рельсы, улетающие в небо – захотелось немедленно войти в вагон, устроиться у окна и под стук колёс мчаться в просторы полей, преодолевая пространство и время.

Но я уже покинула бесконечный рельсовый коридор и оказалась под сенью рябинового леса на улице МПС. Огромные рябиновые деревья росли вдоль асфальтированной проезжей части, возле деревянных двухэтажных домов, во дворах – повсюду. Листья уже опала и жёлто – красными шелестящими сугробами лежала под ногами.

Вершины деревьев, сплошь украшенные увесистыми алыми гроздьями, роняли ягоды на асфальт, на крыши сараев и гаражей. Тишина ненадолго притихшей железной дороги приносила издали гул плотного пространства, похожий на голоса радиоэфира или космический шум звёзд. Слева на бетонном пьедестале стоял молча локомотив паровоза – памятник первой железной дороге.

По асфальту, усыпанному алыми слезами рябин, я уже подходила к привокзальной площади – просторной, неузнаваемо новенькой, обрамлённой стеклом новоявленных супермаркетов, увенчанной игрушечным теремком вокзала. Вид города с улицы МПС открывался по-иному, в сравнении с привычным взглядом спешащего к поезду пассажира.

– Такого города я ещё не знала – волшебный городок в рябиновом наряде. Спасибо сорок седьмому маршруту – без него я не увидела бы этой картины.

Осенняя сказка улицы МПС. Да, друзья мои, думаю, пришло время рассекретить название. МПС – Министерство путей сообщения. Улица МПС – это городок железнодорожников. Вот с этой самой улицы МПС когда-то Шукшин отправился навстречу судьбе.

Вокзал станции «Бийск» – цветной игрушечный теремок.

Осень печалится, ветер гудит золотой.

Мог ли это представить себе Шукшин...

наверное, мог —

*Даже в прежние времена.
Даже в реальности той,
Что предъявляла ему свой несправедный иск —
Мало ли кто приобщится к звучанию лир!
Здесь, от вокзала крошечной станции «Бийск»,
Начиналась дорога в мир.*

На улице МПС

*Возле домов деревянных скрипучих
на улице МПС
Лес рябиновый, плач горячий —
слёзы кровавые падают прямо с небес.
Тяжесть гроздьев – к жестокой стуже,
Затяжной зиме, ветрам ледяным.
Ну, что же – тем лучше, чем хуже!
Отсюда рельсы уводят к мирам иным.
Здесь, возле домов деревянных, скрипучих,
На этой самой улочке МПС,
Лес рябиновый, плач горячий,
Рельсы стальные вдали
Упираются в твердь небес.*

Я уходила всё дальше от рябиновой сказки, гудящих бесконечных рельсовых путей, но улица МПС оставалась в сердце, ведь её продолжением была вся Сибирская магистраль. Улица МПС длиною в тысячи километров – поющее древо стальных путей, дорога судьбы.

Вот таким, впусившим в себя будущее, наш город стал недавно, именно тогда, когда приобрёл женское лицо. В этот момент образ той самой женщины, отмеченной печатью интеллекта, соединился для меня с рябиновой сказкой улицы МПС. И навсегда остался в моём городе. Что бы и кто бы ни говорил о ней как о чиновнике, я этого уже не услышу, потому что не хочу слышать. Время и так разрушит всё. Зачем же мне потакать ему – вечному цинику и насмешнику!

Бийск, улица МПС и район ж/д вокзала 2014 г.

3. Давняя, давняя новогодняя сказка

*Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим...*

Булат Окуджава

Сейчас я расскажу вам, друзья, ещё одну сказку, которая началась тридцатого декабря 1969 года, когда поезд «Томск-Бийск» прибыл в конечный пункт следования с опозданием на три часа. Время перевалило за полдень, но ненастье, захватившее юг Сибири, делало день похожим на болотистый глухой вечер. Крошечное здание железнодорожного вокзала тонуло в сугробах. Снег валил так густо, что в его потоке едва можно было различить силуэты станционных служебных забегаловок и деревянный фасад диспетчерской автовокзала. Казалось, в десяти метрах от вокзальной площади нет уже ничего – только пустота и молчание необъятных диких полей, навсегда занесённых вечными снегами. Только холод и ветер. Только равнодушные ледяных просторов, готовых высосать до вакуума всё живое. От этого обитаемый мир представлялся тесным и беззащитным.

Площадь, где обычно рядами стояли рейсовые автобусы с плоскими, накрытыми кожей радиаторными лицами, была пуста. Все, кто покинул вагоны прибывшего поезда, мужественно, но как-то безнадежно, двинулись в сторону города – брели через площадь, проваливаясь в пуховые заносы, прираставшие прямо на глазах. Чемоданы и сумки двигались вслед за людьми и оставляли в снегу неровные колеи. А снегопад тут же заваливал, заравнивал эти невольные «лыжни». Оставались видимыми на какое-то время лишь глубокие отпечатки провалившихся ног. Эти призрачные траектории чем-то напоминали журавлиный клин, затерявшийся в мутном небе.

– Граждане пассажиры! – придушенным сопрано воззвал оживший громкоговоритель. – Объявленное на трое суток штормовое предупреждение продлено ещё на двадцать четыре часа. Все междугородние и пригородные рейсы с автовокзала отменены.

В воздухе ещё с минуту висел воющий гул невидимого эфира, а потом раздался странный «хрюк», и радиоточка замолкла с металлической уверенностью в окончательном исполнении долга. Но в тесноте и полном безлюдье захваченной в снежный плен привокзальной площади даже и это короткое объявление казалось фантастикой, информационным прорывом через глухой фронт равнодушной непогоды.

Я стояла на станционном крыльце под деревянным козырьком и безнадежно смотрела на непроглядный вертикальный поток снегов. Такого снегопада не видела ещё никогда. Казалось, небо обрушилось на Землю. В такие минуты особенно чувствовалось царское, какое-то хищное, львиное, превосходство природы над маленьким человеком, который старается её покорить. Но вот всего лишь несколько дней снегопада, и цивилизация замерла. Тяжёлые снежины завихривало под козырёк, так что крыльцо было уже залеплено мокрой белой шубой справа и слева. Только ступени, затоптанные пассажирами, ещё указывали место входа в вокзал. Но было ясно – пройдёт час, и крыльцо уже не спасётся от вьюжных заносов.

– Почему стоим?

Я оглянулась. Рядом оказалась девушка лет двадцати. Юное весёлое лицо, сияние синих глаз и улыбка. Дорожная сумка в её руке говорила о том, что она – припозднившаяся пассажирка того же поезда.

– Мой дом далеко. Вот должна была уехать автобусом, но... сами видите...

– Ну, тогда пошли со мной.

– Куда? – удивилась я.

– Приглашаю на ночлег, а точнее, в гости ко мне. Меня зовут Кася.

– Кася, это что?

– Кассандра. Вот так подшутили надо мной родители.

– Да, имя говорящее. А я вас не стесню, не помешаю?

– Давай, на «ты».

– Хорошо.

– Ничуть не помешаешь. Я живу в общежитии в Городке Учёных. Слышала о таком?

– Нет. Я плохо знаю город.

– Городок построен несколько лет назад в районе нового научного центра. Это почти такой же Академгородок, как и в Новосибирске. Все, кто там живут, работают в НИИ.

– И ты тоже?

– Я молодой специалист. Приехала из Ленинграда. Физхимия – моя специальность.

– Получается, мы с тобой – коллеги. Я учусь на третьем курсе ТГУ, тоже химик, но органик.

– Ну, вот – я же сразу поняла, что ты родственная душа, – улыбнулась Кася. – Вперёд! Нас ждут великие дела!

Утопая в метельном мареве, пробиваясь через пуховый плен, мы уже приближались к автобусной остановке. Там толпились некоторые пассажиры поезда. Остальные, видимо, больше надеясь на трамвай, ушли вглубь квартала – к рельсовому пути. На проезжей части только что пропыхтевшим грейдером была проделана широкая колея, а вокруг вздымались трёхдневные снежные завалы, круто вознося к небу утрамбованные техникой склоны. Улица в объездах этих голубоватых гор была похожа на замёрзшую реку в жерле дикого каменного каньона.

Город, занесённый безбрежными снегами, был поражён какой-то глухой марсианской тишиной. Казалось, всё вымерло. А люди, толпившиеся тесной кучкой возле указателя остановки, выглядели затерянными во льдах первопроходцами. Обнадёживал лишь кое-где мерцавший в придорожных фонарях свет. Не верилось, что может появиться хоть что-то, похожее на транспорт. Но автобус всё – таки пришёл, на удивление битком набитый пассажирами. Остановился, и стало видно, что крыша его и окна сверху залеплены мокрым снегом. Несмотря на природный катаклизм, жизнь брала своё. Все ожидающие плотно утрамбовались внутрь, и даже багаж вошёл, угнездившись на капоте и под сиденьями.

Ехали стоя, лицом друг к другу, почти вися на поручнях. Не замечая неудобств, Кася с горящими глазами рассказывала о своей работе. О том, что все корпуса НИИ выстроены в лесу, где живут настоящие белки. Они так привыкли к разумному общению, что позволяют людям кормить себя с руки. На соснах повсюду развешаны деревянные домики для этих красавиц. Сосновые аллеи, цветочные клумбы, белая сирень, липа, яблони разных сортов, ирга, виноградные плантации – всё это выращивают на территории сотрудники – энтузиасты.

– Белки, представляешь, осенью, когда линяют, почти теряют свой роскошный хвост. Тогда они похожи на симпатичных больших добрых мышек.

Рассказывала Кася и о том, что все сотрудники живут дружно, потому что делают одно большое дело – очень нужное не только нашей стране, но и другим государствам, друзьям СССР. Говорила о научных связях с Москвой и многими городами.

– Если приедешь к нам работать, поймёшь, что здесь трудится вся страна.

Кася рассказывала с гордостью, что исследования программируются на ВЦ. Она сыпала незнакомыми терминами. Говорила о курсах по информатике, куда ходит уже полгода. О том, что ей очень помогает знакомый программист.

– Без Вычислительного Центра мы – как без рук. Наверное, ещё несколько лет назад, всё это казалось фантастикой. А теперь – вот оно, рядом! И мне очень повезло, что я работаю здесь, в Сибири! Тут – передовой фронт науки!

Я слушала и удивлялась. Даже и подумать не могла, что такой сказочный научный городок появится в недрах ничем особым не отмеченного сибирского поселения. Мои знания о Бийске были невелики – бывшая Петровская крепость, казачья слобода, оберегающая когда-то границы Российской империи от набегов диких кочевых племён. Люди тут веками жили, не меняя патриархального уклада. Вот и всё, что знала о городе из учебников по истории. И вот – чудо! Крепость вдруг превратилась в научный центр. И уже прошло несколько лет, уже целый НИИ работает, а я, бывая здесь только проездом, ничего не знала об этом.

– Как могло такое произойти – почему именно здесь возник этот Городок?

– А вот это, извини, я не могу тебе объяснить. Но, поверь, всё это очень и очень важно для страны, – улыбнулась Кася.

Автобус тем временем прибыл на конечную остановку. Мы с Касей оказались на круглой маленькой площади, со всех сторон прихваченной сосновым бором. Только павильон остановки и стеклянный кубик кафе указывали на то, что это не поляна в лесу, а вполне цивилизованное место.

Тишина, снегопад, сугробы, цветные пятиэтажные дома хороводом среди леса... И в этой тишине – громкий стрекот сороки, словно в настоящем лесу. Думала ли я ещё час назад, что окажусь в таёжном сказочном городке, в Бийске, который, получается, и не знала раньше. Вокзал, несколько узких улочек и мост через реку – вот всё, что доводилось увидеть из окна рейсового автобуса. Я всегда торопилась домой – к родителям, сильно скучала по ним, по моим братьям и родному селу. Город мелькал за окном и оставался белым пятном – «Терра Инкогнито».

Кася двинулась вглубь квартала. Я шествовала рядом, оглядывая на ходу открывавшиеся направо и налево улицы с маленькими голубыми маньчжурскими елями. Их густые ёжистые ветви торчали там и сям из-под сугробов. Все улицы заканчивались, упираясь в снежные ряды высоких сосен – их розовые стволы стояли вдали сплошной стеной. Сосновый бор живым крепостным валом окружал городок со всех сторон.

Комната, где жила Кася, была похожа на уютную библиотечку. Две стены с полками слева и справа – полностью забиты книгами, если не считать места, занятого диваном. Прямо по курсу – большое окно, в которое заглядывали всё те же сосны, почти прислоняясь игольчатыми ветками к стёклам. Возле окна – стол и два кресла. Вот всё, что обитало в этой крошечной светлице на втором этаже. Пока я раздевалась, несколько человек заглянули в дверь, радостно поздоровались с Касей, как с родным человеком. Кася убежала на кухню – куда-то в середину общего коридора, и вскоре вернулась с кофейником и сковородкой жареной картошки.

– Ешь, не стесняйся. Картошечка – чудо!

Между тем короткий день шёл на убыль. Невидимое солнце, скрытое за снегами, отправилось в своё закатное путешествие – на запад. К сумраку снегопада добавились настоящие сумерки зимнего вечера. За окном было уже совсем темно. И в этой темноте по – прежнему всё валил и валил неостановимо густой тяжёлый снег.

– Ну, как тебе наш городок? – спросила Кася.

– Просто сказка!

– Приезжай к нам работать после учёбы.

– Если будет место при распределении, обязательно выберу Бийск.

– Приезжай, не пожалеешь! Скоро откроется аспирантура. Можно будет работать и параллельно заниматься диссертацией. А люди! Какие люди здесь!

– Расскажи.

– Ну, особенно-то распространяться не могу. Вот о своём парне, если хочешь, расскажу. Он работает со мной в одной лаборатории.

– Как его зовут?

– Михаил. Но в паспорте написано Иммануил. Это отец дал ему такое имя в честь Канта. Представляешь – Иммануил и Кассандра!

– Твой парень, он тоже химик?

– Нет, математик. Занимается обработкой наших экспериментов на ВЦ. Такого эрудита я встретила впервые в жизни. Он старше меня на десять лет и считает меня неразумным ребёнком. Просвещает, по возможности, но мне до него далеко. Я – обычный человек.

– А он что – гений?

– Может быть, гений. А, может быть, и больше.

– Как это?

– А вот так. Он знает всё, что ожидает нас в будущем.

– Так он пророк?

– Я думаю, да.

– Но ведь пророков не бывает. Это сказки. Мы же с тобой материалисты.

– То, что он говорит, это не предвидение, не пророчество. Это планируемая реальность.

На следующий день после завтрака, несмотря на снегопад, я решила отправиться на вокзал. Всё же текущая стена снега сильно поредела к утру. Появилась надежда на улучшение обстановки на дорогах. Обменялись адресами, и Кася сказала:

– Если не удастся уехать, возвращайся ко мне. И знай, что у тебя в Бийске теперь есть крыша над головой и друг. Я всегда буду рада тебе.

Мы обнялись, и я ушла на остановку. По дороге к вокзалу в окно автобуса с удивлением рассматривала то, что не удалось увидеть вчера – кварталы новостроек с новенькими пятиэтажными домами. Это была часть города, которая занимала огромную территорию, где мне ещё не приходилось бывать. Бийск, который считала маленьким городком, оказался промышленным центром, быстро разраставшимся вокруг новых предприятий. Видно было по всему, по масштабам строящихся производств и самого города, что это лишь часть грандиозного государственного плана.

Думала ли я тогда, что спустя несколько лет приеду именно сюда, в АНИИХТ, молодым специалистом. И те учёные, которые сейчас составляют славу города, края, России – все они, казавшиеся нам, вчерашним студентам, небожителями, станут руководителями грандиозных тематических исследований, в которых молодые специалисты играли не последнюю роль. Так Новогодняя сказка 1969 года стала частью моей жизни.

Бийск, квартал АБ, 1969 г.

4. Мальчик – счастье

*Июльского леса молчанье
В объятьях закатной поры,
И грома глухое ворчанье
И шорох сосновой коры,
И маленький мальчик,
С обрыва
Как будто летящий в простор...
Всё это душа торопливо
Вбирает,
И звёздный шатёр
Уже проступает неясно.
И вдруг понимаешь, как боль, —
Пронзительно-сладостно счастье
Сейчас пронеслось над тобой.*

Я и мой сын Слава – мы продолжаем жить в одном из параллельных миров в 1980 году. Тогда мы жили на квартале АБ и каждый день гуляли по сосновому лесу на берегу Бии. Славе было четыре года. Миг нашего счастья так и остался там навсегда.

Бийск, квартал АБ, сосново-парковая зона, 1980 г.

Стихотворение из книги «Дикая мальва».

5. Крещенская сказка

Сегодня вечером, как и положено в Крещение, в гости пришла сказка. Вернее, её привела девочка по имени Ира. И неважно, что девочка была взрослой, а сказка настоящей. Думаю, друзья мои, вам уже не терпится узнать, как рождаются сказки. А вот так. Ира повела меня туда, где на январской реке открылась купель. Может быть, сама собой открылась. А, может быть, её сотворили чьи-то руки. Мы не видели этого. Будем считать, что купель возникла чудесным образом – спустился с небес Ангел, подышал на лёд, и вода явилась из-под зимнего гнёта. Дохнул второй раз – и возвёл над купелью перила, опустил в воду деревянные лесенки. Дохнул в третий раз – и вот на выходе уже расцвёл ледяной сияющий крест, а по правую руку – как бы издалека возник храм с серебряными куполами.

Понятно, где крест и храм, там и народ. Люди шли и шли к чудесному месту – кто просто постоять у святой воды, а кто-то и принять Крещение Святым Духом в ледяной проталине. Впервые за всю свою жизнь я так тесно приблизилась к таинству великого праздника. Люди, подготовившись к погружению, раздетые по-летнему, выстроились в большую очередь и медленно продвигались ко входу. Те, кто уже коснулся воды, бесстрашно, даже как-то привычно спускались на дно, погружались в купель и поднимались по ступенькам на лёд. Никаких ахов-охов, всё чинно, спокойно и торжественно. Мужчины, женщины, дети – все исполняли ритуал, словно ведомые свыше.

Где-то, высоко над рекой, по железобетонному мосту неслись стальные рукотворные создания – автомобили, трамваи. Далеко на набережной горели кружевные фонари. Дальше был виден ночной город, мерцающий рекламными фасадами и окнами жилых кварталов. А на реке тем временем дышал Дух Святой.

О чём думала я, глядя на нескончаемую очередь к ледяной купели? О том, что люди – слабы. Они хотят помощи Божьей в нелёгкой жизни. О том, что люди – сильны. Они пришли сюда, чтобы стать ещё сильнее, чтобы прикоснуться к Богу, почувствовать единство с ним, укрепиться в вере. И много их таких, жаждущих Духа Божьего.

Думала о том, что народ в России – ребёнок, верящий в чудо. О том, что народ в России – Воин Духа, и никому не победить его. Что там сейчас выстроено «хозяевами»? Капитализм, олигархизм, плутократия? Паучья система накопления денег в немногих руках? Да бес с ней, с системой! А Бог с народом! Вот эти люди, которым ледяная вода – подарок Божий, пойдут на войну, если не будет другого выхода. И воевать будут героически, не спрашивая – за что им такая судьба. Воевать будут не за систему, а за Землю Русскую. Беда в том, что Землю эту подгрести под себя Соловьи Одихмантьевичи. Посторонятся они, эти чудища, на время войны, а потом опять – за своё возьмутся! Наивен и свят своей наивностью народ. И прекрасен! Что бы там ни было!

И в подтверждение моих тайных мыслей явилась вторая часть ночной крещенской сказки. На обратном пути обе путешественницы услышали печальный голос скрипки. Мелодия рвалась к людям из глубин подземного перехода. Там, в еле освещённом туннеле, где стены несли на себе отпечаток «народного творчества», на свистящем сквозняке стоял скрипач. Я приготовилась увидеть одинокого старика, собирающего по крохам на хлеб. Но музыкант был юн и прекрасен – мальчик лет пятнадцати. Миниатюрная скрипка казалась праздничной игрушкой в его мальчишеских руках. Инструмент пел человеческим голосом, голосом ветров и дождей, метели и снегопада. Песнь Природы – классика.

Долго стояли мы возле юного скрипача, слушая его импровизации, наблюдая, как легко смычок подчиняется тонким детским пальцам, как рождается музыка от соприкосновения инструмента и души. Было страшно оставить мальчика одного в холодном переходе. Что значат деньги, положенные в футляр скрипки?! Да. Это поддержка. Но главное – услышать и

понять человека. Юного и беззащитного. Талантливого музыканта, зарабатывающего с помощью друга-скрипки на учёбу в музыкальной школе. Напоследок мальчик сыграл несколько вещей из репертуара консерватории. Слушательницы покидали подземный переход под солнечную мелодию «Чардаша».

Так древний праздник соединил волшебство январского стояния народа в очереди к святой крещенской купели и образ юного скрипача, спустившегося с небес в подземелье, чтобы петь и плакать о судьбе человека на маленькой планете. Мальчик со скрипкой в руках – Иисус двадцать первого века. Защитник души человеческой.

А Земля тем временем летела в космическом братстве сквозь неизбежное Время, унося людей к новым страданиям, любви и ненависти, в круговорот войн и смертей, в Поток Вечной Жизни.

Бийск, река Бия, район моста. 19 января 2015 г.

6. Блинный или былинный? День

Незаметно подкралась Масленичная неделя – метель, снегири, блины, предчувствие весны, хотя морозы и не собирались отступать. Так же незаметно праздничные дни подобрались к последнему – заключительному, воскресному. Проводы Зимы – вот что это было. Телефон тоже как-то незаметно и тайно записал сигнал – Ира. Это означало, что в воскресный день надо пойти на Проводы Зимы. А когда Ира приглашает куда-то, можно не сомневаться – будет интересно! Ведь Ира – музыкант, она знает, где надо быть, а куда и смотреть не стбит.

Самая красивая в городе площадь названа странным именем – Площадь 9-го января. Конечно, 9-го января – день, записанный в анналах истории. Но всё-таки... Назвать площадь поминальной датой расстрела огромного числа людей – это как-то не совсем... Тем более что народ поименовал этот день Кровавым воскресением. По логике вещей, Площадь 9-го января должна быть мемориалом. Большевики прослыли людьми решительными и долго не утруждали себя раздумьями на неудобные темы. Ну, поминальная дата! Подумаешь! А мы будем на Площади 9-го января жить и веселиться. Со временем политические повороты, катаклизмы, революции и контрреволюции обкатали печальную дату до гладкости морского камешка – все неудобства, которые подсовывала память, стёрлись.

Давно выстроен на Площади 9-го января Дворец культуры. Спроси детей, да и взрослых, что такое 9-го января, скорее всего, скажут – последний день новогодних каникул (ну, или что-то подобное). Предлагаю остановиться именно на этом! Тогда для народного гуляния – Проводов Зимы – лучшего места и не найти!

А праздник состоялся и оказался похожим на многоцветное Солнечное Колесо, которое, если присмотреться, можно увидеть в каждом румяном блинчике или большом русском блине. Прикатилось Солнечное Колесо вместе с весёлым народом, с кучей нарядных детишек, воздушных шаров, с ансамблем тётушек-веселушек в цветастых полушалках во главе с добрым молодцем Петрушкой. И даже смиренный пёс (про себя назвала его Кузей) пришёл с кем-то, и всё жался к людям, понимая, что здесь надо вести себя прилично. И понеслась древняя народная, но всё равно новая, задиристая да плясовая песня. Энергия Солнца слилась с энергией людей и выплеснулась музыкой, голосами, низкой метелью, которая тоже плясала, разбрасывая серебряные снежные юбки по сугробам. А над миром сияло солнце, и летели быстрые белые облака.

Нарядная кукла Весна, возвышаясь над праздником, танцевала вместе с метелью, поворачиваясь румяным лицом то в одну, то в другую сторону. И только бедняжка Зима, обряженная в домотканую сермягу, стояла неподвижно и печально среди шумного веселья. Я прониклась неутешным одиночеством сиротки Зимы. Мысленно посочувствовала ей. И то ли ветерок дунул, то ли показалось, но Зима вроде как махнула обрывком сермяжки в ответ.

– Что ж такое – нарядили, ни за что, ни про что, в плохонькое, да ещё и сжечь собираются!

– Будем считать, что сгорит не Зима, а тёмные силы, – успокоила Ира.

И всё-таки, как-то так получилось само собой – когда мы ушли погреться в фойе Дворца, именно в это время и было сожжено чучело Зимы. Вышли на свет божий, а Зимы уже и след простыл. Весна-красна красуется среди народа – пляшет с ветром в обнимку, направо-налево поворачивается. Вот так и произошло – пожалела я одинокую Зиму, и кто-то добрый отвёл глаза от огненной гибели сиротки. Да ещё был говорящий Знак. Одна из тётушек-веселушек, пробегая мимо, подарила нам по горсти маленьких румяных сушек – дескать, вот вам, от солнышка привет!

Возвращалась домой и думала – сколько бы противоречий ни приносила жизнь, а итог её – вот эти подарки от солнца, которые один человек вложил в ладонь другого – то есть, одна душа передала привет другой: «Держись! Земля – не место для печали. Земля – место для работы!»

И это правильно! Душа трудится и на празднике, тем более что славянские Проводы Зимы совпадают с православным Прощённым воскресением. Так что, простите, люди добрые! А Бог простит всех нас!

Бийск, Площадь 9-го января, 2015 г.

7. Первый городской частный музей и Таракай

Иногда нечто или некто подкидывают человеку подарки. Ну, наверное, за то, что этот гражданин или гражданка терпеливо живут и что-то пытаются делать, чтобы рядом умножалась гармония. Вот сегодня такой подарок пришёлся и мне ко двору.

От сотрудников первого частного музея в городе поступило приглашение на экскурсию. «Музей алтайского марала» – так называлась эта организация. Несколько человек – литераторов, и я вместе с ними, отправились на неприметную улочку, где хозяин музея облюбовал старинное купеческое кирпичное здание, отремонтировал его и превратил в музей.

Понятное дело, музей – это всегда интересно. Однако на этот раз там я и нашла тот самый подарок судьбы, который выпадает терпеливцам. Среди прочих экспонатов на стене висела картина. На ней летучими резными линиями с хирургической точностью был изображён шаман-алтаец во время камлания. Из рта шамана вырывались языки пламени (или космической энергии). Позади клубились века и множественные иные миры. Похож был шаман на горного марала, танцующего на скалах. В одном образе слились воедино шаман – посредник между верхним и нижним мирами, и великий дух оленя. Что-то было написано мелким почерком на нижнем поле рисунка – слева и справа. Оказалось, это стихи, которыми художник всегда сопровождал свои картины.

Занялась поиском в СМИ биографии мастера. Нескоро, но выяснилось, что художник Николай Чепокhov – странник. Ни кола, ни двора у него – только вечная дорога. Вот как он сам рассказывал о себе: «Я просто бродяга. Иду себе и иду. Палатка – это тяжесть. У меня был кусок целлофана. Его скомкал, в сумку положил – он лёгкий и места мало занимает. И потом, я же среди бичей жил и живу. Там просто что-то подобное сразу «подрезается». Так что я просто-напросто ложился у костра, целлофаном укрывался и спал. А разжигал костёр я вот этими своими работами, потому что бумага-то уже была испорчена! Я берёг только чистую бумагу, в целлофан заворачивал, чтобы не намокла. А когда на ней нарисуешь, зачем её хранить? Но в 2001 году я с удивлением узнал, что кому-то мои картинки могут быть интересны. На Телецком озере живёт такой известный там художник и резчик по дереву Пилипчук. Он увидел мои работы и сразу купил три картинки, аж, по 50 рублей. Я так обалдел! Потом подумал: «Ну, художник решил художника поддержать». А через неделю к нему приехали из Москвы друзья. Он меня вызвал и говорит: «У тебя работы есть?» – «Есть!». И его друзья тоже купили. Я их сразу прогулял весело. А через некоторое время приехал в Новосибирск».

Далее была описана обычная история двадцать первого века: «Некий господин, новосибирский галерист, предложил скупить у Чепокхова работы по символической цене – все, что были у него на тот момент, устроить ему выставку в Швейцарии. Затем работы продать, а выручку поделить пополам. Не надо объяснять, что ни работ, ни денег Николай больше не увидел. Хотя о выставке слышал. Она состоялась в Берне, потом перекочевала в Австрию. Там её увидела горно-алтайская правительственная делегация.

Потом, уже дома, они разыскали Николая, познакомились даже, пообещали, что несколько его работ будут экспонироваться в ООН. На этом всё. Николай ушёл бродить».

Я представила себе – где-то по неведомым дорогам в горах всё ещё странствует художник Николай Чепокhov, который подписывает свои картины именем Таракай. И никто не знает, где в эту минуту спит гений, прикрывшись куском целлофана. Где и кому оставил он свои «картинки», думая, что вот так, как он, рисовать умеет каждый. Мы не знаем, по каким тропам сейчас бродит Николай Чепокhov. Зато потомки будут создавать музеи его имени, пытаться вызволить из-за рубежа ушедшие туда картины самородного гения. И каждая из этих картин будет стоить миллионы долларов. Я была уверена в этом, ибо даже в одном увиденном рисунке была проставлена печать веков.

Ещё задумалась о том, почему Таракай живёт отдельно от мира, не хочет ни с кем иметь постоянных «завязок». Общение с бомжами – это условность. Среди племени бродяг никто никому не нужен и ничем не обязан. Свобода друг от друга, свобода от жизни, свобода от смерти. Если человек один на один с природой – он для всех других не существует. Его жизнь не оставляет следа. Смерть – тоже. Но бродяги не чувствуют себя одинокими. Почему? Потому что живут наедине с Богом. Или с чёртом. Кто как.

Таракай – творец, посланец Бога на этой земле. Имеющий общение с Богом никогда не предпочтёт человека в собеседники. Представьте себе академика, который тратит время на беседы с бактерией. Примерно такая иерархия. Но всё это никак не проявляется на уровне сознания. Таракай, в обычном понимании, взрослый ребёнок, которого ведёт интуиция, а не сознание. Ангел ведёт.

Знаю, что многие не согласятся с моими размышлениями. Большинству покажется смешным сравнение Таракай с академиком, а всех прочих – с бактериями. Но согласия и не требуется – это всего лишь мой внутренний монолог, речь, обращённая к себе.

Бийск, улица Иркутская, 26. 2014 г.

8. Бийск после наводнения

В середине мая 2014 года астрономы обнаружили космический объект, приближающийся к нашей планете – 325-метровый астероид HQ124, получивший название «Антихрист». Его размеры и масса в десять раз превышали параметры Челябинского метеорита, упавшего в районе озера Чебаркуль пятнадцатого февраля 2013 года. Восьмого июня «Антихрист» должен был пролететь всего в миллионе километров от Земли.

За неделю до сближения астероида с планетой началось катастрофическое наводнение в Сибири и на Алтае. Длительный период проливных дождей привёл к невиданному повышению уровня рек – старожилы не могли вспомнить ничего подобного. Майские ливни сделали своё дело. Снежные запасы гор вместе с дождями спустились в долины рек. Вода поднималась поминутно. За четыре дня в начале июня уровень её достиг семиметровой отметки над нулём. Вершины Алтая сбросили миллионы тонн водяного груза на сёла, дороги, мосты и города.

Рушились дома, гибли люди и животные. Ледяной поток легко, словно играючи, поглощал всё, что мог – смывал берега рек, съедал дороги, стада коров, деревья, машины. Вода захватывала всё новые пространства. Тысячи людей остались без электричества. Некоторые сёла полностью ушли под воду.

Энергия человеческого сообщества не выдерживала никакого сравнения с хищной силой Природы. МЧС и добровольцы делали всё, что могли. Но стихия – это стихия. Многие моментально лишились всего, что было нажито за долгие годы. Сотни людей остались без крыши над головой.

Очевидцы рассказывали, как едва успевали поднять немного из имущества на чердаки домов. Одна женщина собралась затащить на крышу собаку – огромного «кавказца». Едва прицепила ему на грудь крепление с поводком, чтобы помочь животному взобраться наверх, как хлынул мощный поток ледяной воды. Пёс уцепился зубами за выступ ограды и отчаянно сопротивлялся смертельной силе. Когда женщина всё же сумела ему помочь и затащила на крышу, пёс плакал человеческими слезами и обнимал хозяйку. Плакали вместе.

Спасателей не хватало на всю территорию беды, и люди спасали друг друга, как могли. Не меньший шок пришлось испытать и после того, как вода ушла. Катастрофические разрушения, грязь, горы мусора, запах гниющих трупов животных. Страшен лик апокалипсиса! Астероид «Антихрист», пролетев мимо, лишь краем своей погубительной мощи дохнул в сторону нашей маленькой планеты, но всё же сделал своё чёрное дело – принёс горе, разрушения и смерть.

Несколько дней наводнения обернулись многими месяцами или даже годами труда. Сколько потерь досталось каждому, кто попал под гигантскую длань Матушки – Природы! А горе тех, кто потерял родственников! Смириться с гибелью жилища или животных – тоже почти невыносимо. Хрупкое живое создание легко сломать. Легко отнять у него всё. Приречные улицы, подтопленные стихией, спешно перекрыли новодельными дамбами. Маршруты автобусов превратились в запутанные зигзагообразные лабиринты. Всё автомобильное воинство полюбило стоять в пробках. Но город продолжал жить.

*То ливни бьют, то жарит солнцебог.
Кержацкий град лежит в торговой коме.
И каждый, кто до нитки не промок,
Люля-кебабом млеет на пароме.
По берегам ристалища осок,
Русалка завораживает лето.
И всякий обыватель, если б мог,
Завлѣк её блесной или конфетой.*

*Хрусталит воды август золотой,
и уходит не хочет наводнение.
Кержацкий город славен простотой
Неве/дня, незнания сомненья.
Торговых улиц хитрый коготок
Вонзает в глаз соцветия рекламы.
Шатёр цветной – услужливый лоток,
Сто пятый клон – дацан святого ламы.
Здесь всё – товар, китайский божий дар —
От разномастных тканей до булавки.
Носки, перчатки – символ брачных пар,
С портретом Пу ночные камилавки.
Китайский лама всем душевно рад,
Кержацкий говор выучил отменно
Торговый град, почти наукоград,
Ну, или станет оным непременно.*

Бийск, 2014 г., июнь – июль.

9. Я пыталась уехать

Действительно, я пыталась уехать из Бийска, и мне это удалось. Но покинуть Мой город, его невидимые параллельные миры... вот этого сделать не получилось.

*Я пыталась уехать,
забыть навсегда
этот город и говор сибирский.
Но во сне
я опять возвращалась сюда
и бродила по улочкам бийским.
Знойный ветер
в прозрачную злую теплынь
чуть кольшет
простынные флаги.
Снова в диких кварталах
бушует полынь —
узнаю этот запах весёлой отваги.
Невозвратно и странно
мне помнить дано
эту горькую ауру
бийского лета.
Я пыталась уехать когда-то давно.
Только было ли,
было ли это...*

Самара – Бийск, 1999–2001 г.

10. Лимонный, с малиновой нотой

Где бы я ни была, всегда Мой город жил своим порядком в глубинах океана Времени – в моём сознании.

*Лимонный с малиновой нотой
над городом вечер повис.
Поёт и печалится кто-то
о девочке Флёрдерис.*

*И кажется – что нам парижки,
своей бы дождаться зари,
но всё же милее и ближе
собор Нотр-Дам де Пари,*

*чужая залётная мода,
французский рисунок крыльца.
Скупая слеза Квазимодо
мещанские плавит сердца.*

*В предвечных просторах затерян
неведомый крошечный Бийск,
поющий с беспечностью зверя
о маленькой Флёрдерис.*

Бийск, пер. Фомченко. 2004 г.

11. Когда-то, в молодёжном городке

Где только ни довелось мне жить в моём городе! Двенадцать переездов – вот моё путешествие в параллельных неэвклидовых мирах Бийска. Сейчас понимаю, почему это происходило – на мне тайно была проставлена печать дочери «врага народа», ведь мой отец в 1941 году оказался в германском плену. Разоружённый командиром полк был отведён в немецкий тыл и сдан в плен. Весь полк! Далее – транспортировка в товарняке во Франкфурт-на-Майне и распределение в немецкие хозяйства в качестве рабов.

Отец вместе с другом (оба родом из села Песчаное Смоленского района на Алтае) бежали в надежде вернуться к линии фронта, но были схвачены, зверски избиты и отправлены вглубь Германии, в концлагерь для нарушителей Флэсенберг на границе с Чехословакией, славившийся сверхжестоким режимом содержания пленных. Далее – четыре года на баланде и тяжелейших работах в горах – корчёвка пней и разработка каменных карьеров.

В 1945 году во время ликвидации пленных немецким конвоем отец чудом остался жив – его просто не успели расстрелять, потому что территория концлагеря была захвачена союзными войсками США. Далее освобожденных пленных передали советскому командованию и транспортировали сначала на Украину, потом на Беломорканал, где мой отец работал на стройке века ещё два года.

По прибытии домой весил сорок килограммов, но молодость победила. Отец выжил и восстановился. Закончил педагогическое училище в Горно-Алтайске и проработал сорок лет учителем в родном Смоленском районе – в Солоновской средней школе.

Но я и подумать не могла, что мне, моим братьям и моему сыну придётся всю жизнь нести печать ГУЛАГа – нет, не того – немецкого, а своего – советского, который никогда не разжимает челюстей. Мне и моим братьям, моему сыну просто не давали жить. Я выжила. А братья и сын – не сумели.

Двенадцать переездов. Один из них – в Молодёжный городок, красивейший квартал Бийска, где мой дом стоял на берегу реки, над самой водой.

*Мой дом, висящий над водой,
большой водой от Беловодья,
прогрет насквозь дневной звездой.*

*И лето бежит по сходям,
и воду трогает ногой.*

*И кто-то юный и нагой
плывёт из Прошлого в Сегодня.*

*А в настоящем он – старик.
Его пугает половодье,
и зов святой из Беловодья
ему напоминает крик —*

*тот властный крик,
тот зов бессонный,
что Душам слышится к концу,
и словно в замкнутом кессоне,
блуждает мукой по лицу.*

Бийск, пос. Молодёжный. 1993–1996 г.

12. Улица Льва Толстого

Наконец, я добралась до старого центра города – на улицу графа Льва Толстого. Что привело меня сюда – в район бывших купеческих особняков и мещанских дворов? Дело простое – сотрудница отдела культуры попутно привезла из Москвы альманах «Академия поэзии», в котором по рекомендации редколлегии нашего журнала были опубликованы молодые поэты Бийска. Оставалось только найти то здание, где в последнее время обитала «культура».

Адрес был известен, но, мысленно пытаясь представить себе, где именно должен находиться искомый отдел, я никак не могла сориентироваться. По номеру дома выходило, что это должен быть заброшенный Фирсовский пассаж – бывший купеческий магазин с высоченными потолками, огромными окнами и кованым кружевным шпилем на куполообразном фронте крыши.

– Странно! – думалось мне. – В этом караван-сараяе давно выбиты стёкла, растащено всё, что можно и нельзя, проёмы окон разваливаются, внутри висят портьеры паутиной. В тёмных глубинах обитают бесстрашные голуби и, наверное, привидения. Где же там место отделу культуры?

Продвигаясь в нужную сторону, убедилась, что указанный в записке номер дома принадлежит именно тому самому Фирсовскому особняку, вернее его руинам.

– Кажется, надо мной подшутили! – огорчилась я и уже собралась повернуть в сторону автобусной остановки. Но взгляд вдруг упёрся в маленькую кованую дверцу с красной вывеской наверху, где золотыми буквами было написано... Что бы вы подумали, друзья мои? Да – да – Управление культуры.

Открыла дверцу с современным запорным механизмом, который плавно и бесшумно автоматически прихлопнул створки после того, как я вошла. Направо в боковом коридоре сидел охранник.

– Подскажите, пожалуйста, отдел культуры, это куда?

Охранник молча указал наверх. На второй этаж вела неправдоподобно широкая мраморная лестница с фигурными стойками, державшими витые розовато-золотистые перила. Спокойный размах и великолепие бывшей купеческой жизни до сих пор хранила эта старинная лестница. Лепные высокие потолки, тишина большого здания, в котором стены не пропускают звуков улицы, длинные широкие коридоры, открывшиеся взгляду направо и налево, величественные двери многочисленных комнат – всё это поражало глаз и сознание, всё ещё державшее в себе внешний вид руин обезображенного первого этажа. Оказывается, высоко над развалинами почти прежним ухоженным порядком жил второй этаж, не видимый с улицы.

– Вот это да! – мысленно сказала я себе. – Здесь точно должны жить привидения.

И, действительно, вдали, в глубине коридора мелькнула полупрозрачная тень – женская фигура в серебристых шелках. И ничего удивительного, друзья мои – просто надо уметь видеть и слышать время.

Забрала упаковку с альманахом, спустилась вниз, вышла наружу, всё ещё находясь под впечатлением увиденного. Тишина, осенний шорох листьев, безлюдье – улица Льва Толстого давно уже потеряла роль центра города. Центр ушёл в сторону новостроек, а здесь поселилась степенная, неприятная периферия.

Вдалеке, возле памятника Петру и Февронье, фотограф снимал молодых в свадебных нарядах. Несколько человек стояли по сторонам, наблюдая за праздничным действием. Рядом, на тротуаре, глянцево блестел тонированными стёклами чёрный Лэндкрузер. Белое платье невесты и кружевная фата странно, как-то неуютно, смотрелись на фоне почти чёрного бронзового памятника. Серое низкое небо, руины заброшенных домов.

Поразило чувство нереальности происходящего – как будто всё окружающее принадлежало мрачной компьютерной игре, в которой человеку отведена роль механической игрушки, робота. Почему возникло это мимолётное чувство? Может быть, потому, что памятник святых Петра и Февроньи оказался рядом с чёрной здоровенной машиной, которая к святости, любви и семейной жизни не имела никакого отношения. Может быть от летучих мыслей, родившихся нечаянно.

Всё же лучше быть романтиком, идеалистом и, надеясь на свои силы, действовать, а не предаваться унынию. Люди пытаются жить, создавать семьи, рожать детей.

Только реальное дело способно собирать идеи и людей. Без движения (внутреннего и внешнего) человек не получает никаких сигналов от мира. Только деятельность человека вызывает сопротивление среды, а значит – необходимость взаимодействия, совместной работы или борьбы. Это Закон природы: есть действие, значит, есть и противодействие. Действующему человеку всегда интересно жить, где бы он ни находился. В России всякому действию моментально возникает непропорционально сильное противодействие. Казалось бы, это плохо. Но с другой стороны, это пробуждает мысль, заставляет искать ходы и выходы. Жизнь в России похожа на сложную шахматную партию. Как только человек сделал шаг, как только начал движение – и всё! Он обязан будет играть. Ну, если у него с логикой всё в порядке. Человеку действующему некогда размениваться на пустые эмоции, типа ненависти к кому-либо... Всё-таки история – это имена, а не события сами по себе. Но отпечаток фантомной сиюминутной картины, чувство бессмысленности бытия, зацепились где-то внутри.

*В городе этом,
По самые окна заваленном листьями,
Люди, как мыши, шуришат
Непотребными мыслями.
Бабочка жёлтая странно сквозит в листопаде,
Кратким обманным теплом уносимая в ад.
Славные тёти и столь же божжистые дяди
Лезут бутылки собирать в городской палисад.
Осень. Октябрь. Обнажилась разруха-старуха —
Грозно грызёт, догрызает старинный пассаж.
Выбиты окна. В провалах печально и глухо
Воет сквозняк да гуляет купеческий страж.
В доме разрушенном есть неприметные двери —
Вход на второй, сохранившийся чудом этаж.
Там, под высокими сводами ангелы-звери
Эры купеческой помнят былой эпатаж.
Помнят обеды и танцы, девичьи фигуры,
А по утрам колокольный серебряный звон.
Нынче этаж называют отделом культуры —
Глупая шутка купеческих новых времён.
Было бы, впрочем, наивно
Искать здесь чего-то иного —
В схроне руин
На разрушенной улице
Графа Толстого.*

Бийск, улица Льва Толстого, осень 2014 г.

13. Вождь им в помощь!

Июнь 21 число. День сравнялся по продолжительности с ночью. Тишина. Прохлада. Ветер северный – любимый мной, свободный, сильный. Иду гулять. По стечению обстоятельств (мне назначена встреча у фонтана) гуляние состоится на Площади 9 января. Небольшая площадь-парк. Аллея огромных старых берёз. Клумбы, подстриженные кустарники. Скамеечки для таких, как я. В центре парка скульптура вождя всех народов – Владимира Ильича. Знаменитый мыслитель стоит на высоком постаменте в задумчивой, но устремлённой вперёд – в светлое будущее, позе.

Тёмен лик великого вождя. Черна и его монументальная фигура. Время и ядовитые испарения города покрыли бронзу неистребимым налётом тьмы.

Облакам, несущимся в солнечном небе, людям и всему миру абсолютно всё равно, что там происходит с бронзовым Владимиром Ильичом. И только голуби нахально пользуются его расположением. Голова и плечи вождя служат настырным птицам точками опоры в опасном мире. Высоко над асфальтом, на уровне берёзовых крон, на надёжных бронзовых плечах и такой же голове, голуби чувствуют себя хозяевами парка и города. Вождь им в помощь!

Бийск, Площадь 9-го января, июнь 2015 г.

14. Мой Бийск в 80-х

И вспомнился мне Бийск, его улицы, переулочки, во времена немудрёного, хотя и непростого, детства моего сына. Маленькая деревянная двадцатая школа, где он учился в четвёртом классе. Это было время счастья! Сын тогда, конечно же, не понимал этого – просто жил, просто учился. А я даже и подумать не могла о том, что когда-то его не будет в моей жизни.

Учился он неплохо, но, когда зацветали черёмуха и сирень, когда весна сводила с ума всё живое, забывал об уроках, экзаменах, не слушал учителей. Восторг жизни захлёстывал его, и школа уходила куда-то на дальний план. В классном журнале появлялись двойки. Вспомнились его друзья-мальчишки, с которыми играл сначала в войну, потом – в футбол, волейбол, ходил в секцию самбо.

Когда подросли, все поголовно увлеклись штангой. Тогда уже вошли в моду дискотеки, и пацаны толпой ходили завлекать девчонок. Вспомнились почему-то высокие мальвы под окном дома, где мы по обмену получили квартиру в новой девятиэтажке. Я всегда, выходя из подъезда, останавливалась возле больших ярко-розовых и тёмно-бордовых кустов, рассматривала толстые резные лепестки, гладила их руками. Цветы пахли тонко и дико, словно росли не на газоне в городе, а в раздольной степи.

Нравились мне маленькие ярко-малиновые цветочки на вьющихся стеблях, ютившиеся у подножия высоких мальв. Их сложное строение, живой цвет и аромат, плотно сложенные лепестки удивляли и несли какую-то загадку – казалось, неизвестный гениальный художник создал их специально для того, чтобы люди задумались над красотой и непостижимостью живой природы. Однажды рискнула заглянуть внутрь маленького волшебного цветка, но лепестки оторвались, просыпались на землю рубиновыми чешуйками, и загадка исчезла.

Как всё это далеко – другая волшебная реальность, в которой нам с сыном уже нет места. Было это в 1989 г.

Бийск ул. Мухачёва – 250, район Казанки, 20-я школа, 1989 г.

15. Душа старинного Бийска

Далёкой зимой 1974 года в Барнауле состоялся очередной семинар молодых писателей Алтая. Это был мой первый литературный экзамен. Именно там, во время вечерних споров о жизни, поэзии и судьбе высветились люди, имена и стихи которых остались ориентирами на всю жизнь – Владимир Башунов, Геннадий Панов, Николай Черкасов, Леонид Мерзликин. И конечно, конечно – Александр Родионов.

Это было счастливое молодое время, когда уже увидела свет его первая книга стихов «Начало поля» и готовился к изданию новый поэтический сборник «Краснотал». Вот это сибирское слово «краснотал» – как раз точный портрет Саши Родионова. Огненно – рыжий, неистовый, непредсказуемый, геолог по образованию, поэт по призванию, он в то время производил впечатление степного куста краснотала.

Горное, бродячее, природное братство геологов воспитало в нём неповторимые черты – умение видеть человека насквозь и общаться дружески, если обнаруживалось родство душ. Не случайно выбрано было им название первой книги «Начало поля». Это термин, означающий начало полевого сезона у геологов.

Стихи из своей первой книги, которые он читал тогда, в 1974 году, остались в памяти навсегда. Я помню и сейчас эти короткие неповторимые строки:

*Друг мой давний,
Гость мой редкий!
Прилети! Мой дальний гость...
Из твоей из табуретки
Кругло вырос лысый гвоздь.
Гвоздь забьём – на то мужчины!
Здесь из низкого окна
Виден мне лоскут лощины,
Роцца дальняя видна.
И покуда с новостями
Почты нет из Тяжсина,
Здесь грибами, как гвоздями
К пням прибита тишина.*

В разговорах проявилось много общего. Оказалось, мы учились в Томске почти в одно и то же время. Саша лишь двумя годами раньше закончил учёбу на геологическом факультете Томского политехнического института. А я училась в это время на третьем курсе химфака ТГУ. Значит, в течение трёх лет мы жили в одном городе, ходили по одним и тем же улицам, но нигде не пересеклись. Я тогда писала стихи только для себя, что называется, в стол. А Саша общался с поэтами Томска, посещал занятия поэтической студии знаменитого Василия Казанцева.

Но поэзия – этот сильнейший магнит – всё равно притягивает творческих людей в своё поле. Вот так, спустя много лет после томского студенческого периода, произошла моя встреча с Сашей Родионовым.

Забыть эту встречу невозможно. То, что последовало несколькими часами позже, стоит описать, потому что это, казалось бы, незначительное событие раскрывает суть человека. А произошло следующее. Когда бийчане по окончании семинара отправились на вокзал, Саша пошёл провожать меня. Всю дорогу вспоминали Томск, его кружевные старинные деревянные улочки, читали друг другу стихи.

Когда бийчане поднялись в вагон, Саша хотел войти вместе с нами, ведь беседа наша не завершилась. Но у него не было билета. В те времена проводники, видимо, имели инструкции – лишних в вагон не пускать. Проводница встала скалой. Саша остался на перроне.

И вот едем мы все в одном купе, плавно удаляясь от Барнаула. И вдруг откуда-то сверху раздаётся «стук в дверь». Сначала мы не поняли, что это. Потом мужчины открыли окно, и с крыши вагона в образовавшуюся брешь проник Саша Родионов.

– Привет честной компании! – сказал он, как ни в чём не бывало. Подсел ко мне, и мы продолжили беседу с того места, на котором нас остановила неумолимая сила проводницы. Вот в этом упорстве, в этом несогласии с предлагаемыми рамками – весь человек. Настоящий поэт. Талант, не вписывающийся в реальность, а творящий её самостоятельно. Так Александр Родионов и создавал свои книги – брал кусок реальности и делал его частью своей жизни.

Мы добрались до Бийска. И Саша побывал у меня в гостях – в общежитии для молодых специалистов, на Декабристов, 13. От меня отправился он в гости к Борису Хатмиевичу Кадикову, с которым уже давно дружил. Больше всего меня поразило тогда его умение преодолевать момент. Ведь он не был готов к поездке в Бийск. С собой – никаких вещей. Может быть, и денег не было – что не удивительно для поэта. Но Саша, не раздумывая, сделал то, что считал нужным. Потом состоялся приём в Союз писателей СССР, книги, изданные в Барнауле и Москве «Биография ручья» (изд-во «Современник») и «Портрет реки» (Алтайское книжное издательство), учёба на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А. М. Горького. Но это потом.

А тогда, в семидесятые, Саша днём и ночью обитал в Бийске. Старинная деревянная резьба – вот что притягивало его в купеческий Бийск, в старый центр города. С дотошностью, характерной для геологов и археологов, производил он «раскопки» с помощью распросов «последних из могикан» – мастеров деревянной резьбы, ещё помнивших историю этого ремесла в Бийске. И фотографировал, фотографировал.

Мне так и видится его лёгкая летящая фигура в тихих улочках Бийска. Идёт вдоль деревянных домов, настраивая фотоаппарат на лучший кадр, не просто человек, но Душа Бийска. Так бывает. Человек живёт в другом городе, а Душа его здесь, где спят века в наличниках старинных окон с узорами глухой деревянной резьбы. Где кружевная пропиловочная резьба рассказывает сказку более поздних времён. Где всё ещё живут мастера, знающие секреты деревянного зодчества.

Старый центр Бийска и его заречная часть исхожены были Сашей Родионовым вдоль и поперёк. Вот так в течение многих лет, на ходу, а потом и архивной работой, рождались его «Краснодеревщики» и «Красная книга ремёсел».

Чтобы понять его страсть, его желание вникать в историю ремёсел, нужно было видеть, КАК он бродил по улицам, никогда не уставая и не замечая времени. Нужно было видеть свет его синих глаз, питавшийся изнутри каким-то почти материальным желанием Духа – желанием прикоснуться к тому, что сегодня ещё есть, а завтра всё это уже исчезнет в потоке времени навсегда.

И ведь как он оказался прав! Сейчас в Бийске исчезло уже с лица земли многое из того, что запечатлел тогда его точно найденный кадр. Нет, не просто так пошёл Александр Родионов учиться на геологический факультет. Этот человек был одержим историей, археологией, магией слова и факта.

Неповторим каждый миг жизни. Неповторим и тот период, когда неделями обитая в Бийске, Саша жил, в основном, в старом центре в гостинице «Бия», расположенной тогда в Фирсовском особняке на улице Льва Толстого. Мне доводилось бывать «в гостях» в его временном обиталище, где высокие, неправдоподобно высокие потолки, создавали ощущение дореволюционной сказочной жизни.

Да и сам Александр Родионов был сказкой, слишком хорошей и слишком сложной для пролеткультовского советского человека. Многие ведь жаловались, что не смогли прочесть его романов. Не смогли, потому что степень проникновения в исторические реалии у Александра Родионова превосходит возможности понимания обывателя. В ходе поисков он становился не просто исследователем эпохи, но её свидетелем. Александр Родионов не только писатель. Он исследователь, создавший свою машину времени, которая рождалась, в том числе, и в старинных узких улочках Бийска.

Частым гостем в те времена в нашем городе был и Владимир Башунов. Приезжал он к брату Борису, который жил в общежитии для молодых специалистов на Декабристов, 7. Собирались вечером вчетвером – Саша Родионов, Володя Башунов, Борис и я. Сидели за чашкой чая и разговаривали часами. О чём? Конечно, о поэзии и о жизни.

Где-то рядом шумели сосны квартала АБ. Время текло над нами, закручиваясь в улитку Млечного Пути. Звучали стихи, Борис играл на гитаре. Квартал АБ был молод, как и мы, и казалось, его улицы ведут к великому будущему всей страны. Так мечталось, так думалось в те времена.

Когда произношу имя Саши Родионова, отклик идёт на уровне Души. Сейчас больно вспоминать, как он нашёл меня в 2008 году с помощью телефона. Как и от кого узнал мой номер – не известно, ведь находилась я тогда в глухой деревушке Солоновке, Смоленского района, где жили мои почти девяностолетние родители. В захлестнутом криминалом селе оставлять стариков одних было нельзя.

Вдруг звонит домашний телефон, который ещё недавно долго не работал из-за снежной бури. И голос Саши Родионова говорит: «Люда, ты знаешь – жизнь прошла!» Это, фактически, всё, что он сказал тогда. Через сотни километров было слышно, что он потрясён. Видимо, именно в тот момент, его сердце и душа почувствовали надвигающуюся катастрофу, хотя тогда ещё ничто не предвещало беды.

Моё сердце сжалось в ответ, ведь найти меня в такой глуши, в доме, заваленном почти по крышу снегами, по тонкой нити телефонного провода передать своё отчаяние – это можно было сделать только в минуту большого потрясения. Прошло пять лет, и Саши не стало.

Я часто уезжаю в старый центр города, брожу по улицам Советской, Толстого, Кирова, Фомченко, Мухачёва, где всё ещё живы старинные деревянные дома с резьбой на крышах и наличниках окон. Многие из них брошены, спрятались в заросли кустарников и деревьев. От них веет безлюдьем и давно прошедшей жизнью. Но в каждом из них мне хотелось бы жить.

Я уверена – Душа Александра Родионова осталась в старом деревянном Бийске и в том деревянном его доме в Барнауле, на улице Пушкина, где он жил в последние годы своей жизни.

И напоследок – стихи, посвящённые другу моей юности, поэту, прозаику, публицисту, краеведу, историку, геологу, вечно идущему по родной земле в поисках ушедшего времени – Александру Родионову, любившему Бийск как никто другой.

* * *

*Когда-то в Москве на Арбате
В каком-то немыслимом платье
Гуляла я с рыжим поэтом.
Сирень венценосно цвела,
И пахло предчувствием лета.
И в небе сиреневом где-то
Под солнцем цвели купола.
Но время чертой невозвратной*

*Легло предвечерней порой.
Он был мне неназванным братом,
А я ему – божьей сестрой.*

1984 г.

* * *

*Жизнь прошла, мой Рыжик ненаглядный.
Мы слепыми были до поры.
И сгорели быстро и нескладно
Наши параллельные миры.*

*Мы одни за прошлыми обидами,
Где Душа рвалась, как птица, ввысь.
Даже там, в пространствах неевклидовых,
Мы с тобою не пересеклись.*

*Жизнь прошла,
Мой Рыжик синеглазый.
Жизнь прошла, как не было её.
Только в сказке колыванской вазы
Где-то сердце светится твоё.*

2008 г.

Бийск, квартал АБ – улица Ленинградская, 33.

1974–2014 г.

Текст опубликован в альманахе «Тобольск и вся Сибирь» – т. 24 – Бийск – 2015 г.

16. Переулок Фомченко, 20

Голубые розы, жёлтые хризантемы, оранжевые солнца ноготков, белый душистый табак – всё это благоухало, сияло и рвалось в маленькие открытые окна. Две круглые клумбы на высоких пьедесталах – чья-то фантазия, чей-то труд. Только что прошёл дождь. С крыши всё ещё падали тонкие лучики воды. Трава в ограде зеленела ярко, словно на картинке, нарисованной фломастером. За низким забором были видны аккуратные посадки – помидоры, лук, чеснок.

Я сидела в старом кресле посередине пустой маленькой комнаты, смотрела на этот сказочный вид и слушала радио.

Старое кресло, радиоприёмник на стене и диван в углу – вот всё, что пока имела на новом месте жительства.

Высокий голос Мэркури, словно с неба – откуда-то с высоты, маленькая квартира в двухэтажном деревянном доме, июльский дождь, ветер, пахнувший цветами – казалось, что я всегда жила здесь. Сколько дней и лет сижу перед раскрытыми окнами? Какая разница! Не хотелось двигаться, что-то менять. Прикрыла глаза и улетела вместе с мелодией туда, где в синем провале неба кружилась стайка стрижей.

Случались такие минуты, когда душа замирала, растворялась в окружающем и становилась всем сразу и ничем – одновременно. Благодать – так называлось это летучее состояние. Секунды становились объёмными, похожими на бездонное хрустальное пространство. Минуты превращались в века. Физическое тело исчезало, становясь невесомым, прозрачным и вечным, как воздух. Видимых причин для этой благодати не требовалось. Просто сесть где-нибудь в тихом или, наоборот, шумном месте. Например, на вокзале. Сесть и уйти в себя.

За окном – в цветочной сказке – прошла женщина. Светлый платок, светлая кофточка. Она прошла и скрылась в сером игрушечном кубике – это была баня с тонкой трубой на крыше.

Я перенеслась в реальность, в свою маленькую пустую комнату, где всё ещё пел Фрэдди Мэркури. Эта квартира в старом двухэтажном деревянном доме возле трамвайных путей была моим десятым по счёту местом жительства. Я привыкла к переездам, постоянной потере вещей во время очередной смены жилья.

Жизнь всё время с какой-то остервенелой настойчивостью вывозила на этот путь, словно хотела доказать, что вещи ничего не значат. Что можно, находясь в любой точке пространства, в любых условиях, оставаться самим собой. И не только можно, но и нужно. Только тогда ты свободен и ты – человек.

И вот, наконец, перебравшись в десятый раз в новое жилище, я стала совершенно свободным человеком.

Не зависела от вещей, не зависела от начальников, работы, знакомых, от прошлого – всего этого не стало. Всё исчезло, растворилось где-то далеко позади. Вот это ощущение полной свободы и даже могущества – оно возникло именно сейчас, когда я никому и ничего не была должна. А мне самой ничего и не требовалось. Точно знала, что могу обойтись вот этой крошечной комнатой, старым креслом и диваном. Какой –нибудь ковш или кружка, чтобы набрать воды – вот всё, что нужно. Что-то другое будет лишним. Странное и нереальное ощущение. Или, наоборот, именно это и есть реальность?

Но в этой реальности любая вещь сверх того, что имеется в данную минуту, бессмысленна. Бессмысленны и усилия для приобретения лишнего. Суета только отнимет время – время жизни. Личное время, которое отпущено именно мне.

– Может быть, я и родилась только для того, чтобы понять это. Понять, что такое лишнее, – думала я, всё ещё сидя в кресле.

Женщина в белом платочке прошла по поляне перед окнами в обратном направлении. Перед собой несла она охапку чистого белья, снятого с верёвки. Женщина была красива с этой

белой ношей. Смуглая кожа рук казалась ещё темнее на белом фоне, а платок своим голубоватым оттенком словно специально усиливал белизну белья.

Но в глубине души я знала, что всё это изменится, стоит только узнать, кто эта женщина, её имя, имя мужа, увидеть детей. Стоит только услышать о заботах, нехватке денег, болезнях... И красота исчезнет. Свернётся и почернеет, как обмороженный цветок.

– Не хочу ничего знать. Ни с кем знакомиться, разговаривать. Хочу сидеть у окна и смотреть. Только смотреть. Издалека. Могу я себе это позволить? Ну, хотя бы ненадолго.

Я вернулась в город, где прошла почти вся моя жизнь. Вернее, тот отрезок её, когда человек живёт, исполняя долг. Именно так. Живёт так, как нужно.

Кому нужно? Наверное, обществу, государству. Семья, работа... По большей части, это работа за кусок хлеба, за крышу над головой. Но этот период рано или поздно заканчивается. Если повезёт. Если человек доживёт. И тогда можно сказать, что «долг» исполнен. Так или иначе, хорошо или не очень, но исполнен.

Вернулась в родной город после трёхлетнего отъезда в Самару. И то, что было в прошлой жизни – тот самый «долг», люди, которые меня окружали тогда, НИИ, где работала, суетный ритм рабочих дней, звуки, краски, чувства – всё это исчезло, растворилось в бездне прошлого времени, словно и не было ничего.

Я вернулась в другой город, в другую жизнь. В океане прошлого утонули и девять квартир, в которых обитала когда-то, переезжая с места на место, и всё то, что выплеснулось из жизни и захватило в Самаре. И вот я в этом маленьком деревянном доме, 1904 года постройки. Квартира пуста. В ней живёт пока лишь мой голос.

Голос, отразившись от стен, гулко закачался в воздухе пустой квартиры. Эхо в доме, где никто не живёт – особенная вещь. Говоришь – и словно кто-то тебе отвечает из далёкого необъятного пространства.

Вот это гудение, подобное звуку эфира в радиоприёмнике, появляется в момент произнесения слов. Как будто включается некая связь с невидимым собеседником. Я каждый раз при очередном переезде отмечала это, когда осматривала новое жильё.

Пустая квартира, не загромождённая вещами – всегда «фонила», как часть космического эфира. Видимо, вещи, вытесняя пространство из помещения, отгораживают человека от живого мира. Я понимала, что это всего лишь образ, но образ, попадающий в «десятку».

Поднялась, прибила гвозди высоко над оконными проёмами, натянула шторы. Отныне белые лотосы с сиреневым отливом поселились в каждом окне. В доме стало уютно. Мир снаружи, словно подчиняясь гармонии этих узорных лотосов, засветился ещё ярче, заглядывая в кружевные прорези.

В правом углу между окнами повесила любимую иконку Казанской Божьей Матери – теперь мой дом защищён.

– Ну, вот и всё! Будем жить!

День клонился к вечеру. Из-за пологой горы заглядывало в дом вечернее солнце. Его лучи, уже отдающие оранжево-розовым, били напролёт в угловые окна. Там стояло зеркало. Отражённый луч падал на противоположную стену, а гранёная кромка зеркала превращала его в радуго. Радужное пятно длинным прямоугольником высвечивало рисунок на обоях – чайные розы, гроздьями свисавшие по бокам узористой вазы.

Я долго следила за этой весёлой радугой. Цветное пятно постепенно бледнело, сползло всё ниже по развесистым чайным розам. И, наконец, погасло.

В комнате стало сумрачно, но в сумерках новое жильё казалось ещё уютнее. Этот укромный уголок – теперь мой любимый дом.

Нравилось и то, что дом стоял на перекрёстке, а квартира была угловой. Два окна в разные стороны, большой обзор. Я просто болела, если в жилище из окна не открывались любимые просторы. Вот этот простор для глаза – это и было главным для меня в любом жильё.

Навсегда запомнила, как прекрасно жилось на восьмом этаже. Посмотришь в окно, и всё – полетела душа! Остальное не имело значения. То, что другие считали недостатками, я просто не замечала.

– Что ж, пора спать. Как там говорят? На новом месте приснишь жених невесте.

Первую ночь в новом жилище запомнила надолго – из – за того сна, который увидела под утро.

Приснилось, что вхожу в свой дом, а справа – откуда-то из-за угла, выглядывает домовый. Подмигивает, улыбается. Не успела подмигнуть в ответ, как домовый уже из другой комнаты – из-за печки выглядывает. И снова подмигивает. Рукой ему помахала, он вышел на середину комнаты. И ну – ходить перед хозяйкой. Ходит взад-вперёд, по-петушину поглядывает – искоса и сверху вниз. Ножки резво при ходьбе выбрасывает, руки за спину заложил. Гордый такой, и похож, как близнец, на Жириновского. Причёсан аккуратно, в новом сером костюмчике, и комплекции такой же – плотный, крупный. Важный, в общем, господин.

– Здравствуйте, господин домовый!

Домовой довольно улыбнулся, но ничего не ответил.

Однако я поняла, что нравлюсь своему хозяину, и что он надеется на хорошую жизнь. А жизнь такую должна обеспечить ему именно я – новая хозяйка.

– Да, видно вам надоело одному воздух пинать. Здесь ведь несколько лет никто не жил. Представляю, как вы мёрзли зимой.

Домовой кивнул в ответ – дескать, да – натерпелся.

– Ну, теперь самый тёплый уголок за печкой будет ваш.

Домовой снова подмигнул, прошёлся ещё раз передо мной и вдруг исчез.

– Ну, да. Ну, да. Показался – и хватит. Понимаю. Хорошего помаленьку. Не мешало, однако, узнать, как же вас зовут.

На листе бумаги, который лежал на столе, как на экране, высветилось вдруг ярко-зелёным цветом короткое слово «Саша».

– Вот спасибо, господин домовый. Имя у вас, как у моего брата младшего было. Умер он восемь лет назад. Значит, именем его дом мой охраняться будет.

И тут домовый выглянул из-за печки снова, но похож был уже на брата.

– Да вы просто волшебник! Я буду называть вас Сашенькой.

Тут я проснулась. Совершенно отчётливо вспомнила сон о домовом Сашеньке и улыбнулась.

– Вот так суженый приснился мне на новом месте. А я во сне-то и не поняла, что он передо мной женихом выплясывал.

* * *

Вышла на крыльцо, остановилась на минуту, вдыхая запах цветов, дождя, тополиных листьев, и двинулась по тропинке, ведущей за ворота. Мне нравилось всё в этом доме и во дворе – ухоженном, уютном, маленьком. С удовольствием потрогала железную ручку ворот, повернула её вверх и вышла на улицу.

Узкую улочку, зажатую между бетонным забором витаминного завода и рядом деревянных домов, украшало трамвайное полотно. Блестящие рельсы, аккуратные шпалы, паутина проводов над поворотом. Особенно красиво смотрелись вьющиеся лианы, свисающие с бетонной громады заводского забора. Их блестящие резные листья с малиновым отливом казались ненастоящими, словно сделанными из пластмассы. И только когда дотронулась до них, ощутила прохладу живой поверхности – листья были упругими и мягкими одновременно. То ли это был какой-то сорт виноградной лозы, то ли декоративный вьюн. Я не знала, да и неважно

было, что это за растение. Прошла вдоль забора, время от времени касаясь низко висящих листьев и красноватых стеблей.

– Вот тут буду ходить каждый раз, когда отправлюсь на остановку или домой. Так что этот сад – мой! – сказала себе. – Вот я и владелица виноградника.

Мне хорошо жилось на улице Фомченко в доме № 20.

*Женщина в жёлтом наряде
сидит на пенёчке.
Вечер. Смеркается.
Лето настало опять.
Двери открыл
и отправился в мир налегке
мальчик соседский —
богатства и счастья искать.
Хлопнули звонко ворота,
вспорхнул воробей.
И в тишине утонули
мальчишьи шаги.
Не торопясь,
по тропинке бредёт скарабей.
А на востоке стемнело —
невидно ни зги.
Женщина встала,
взошла на крутое крыльцо,
и обернулась,
и вдруг полетела в закат.
И озарилось восторгом
её золотое лицо,
и оперением иволги
вспыхнул наряд.*

Дворняге Бимке

*Да, хозяин твой доволен,
Лаешь громко – на испуг.
Но в раю дворовом воли
Не бывает, милый друг.*

*Пляшешь, славный и нелепый.
Жаль мне молодость твою,
Мальчик пёс, гремящий цепью
В заколдованном краю.*

*Понимаешь всё, наверно,
Но такая служба, брат.
Ты, доверчивый и верный,
И ни в чём не виноват.*

Бийск, пер. Фомченко, 20, 2002 г.

17. Трамвай SALVADORE

Вспомнился вдруг памятник советской эпохе – девушка с веслом, символ бесстрашия по отношению к жизни и смерти! Увесистая девушка, которая веслом легко защитит и семью, и Отечество, долгие годы держала своды государства, размножившись в тысячи гипсовых Каритид. Всё же, великая сила – простая картинка и слово!

– А что мы имеем сейчас? – ненароком подумала я, логически продолжая размышления о «Девушке с веслом».

И тут же увидела то, о чём подумала – мимо прогремел трамвай с гигантской надписью на боку «SALVADORE». О, эта сказка, изображённая знаками латинского алфавита! Сейчас она повсюду! Любая, уважающая себя фирма – торговая либо что-то производящая, сейчас же перестанет уважать себя, если не назовётся иностранным именем. Благозвучные Dead Sea, Cosmetics, Mirra, Lamoda, Foodmarkets Sia, New Balance, Henderson или, на худой конец, неблагозвучные Мисс Веган или Вита вот уже более двух десятилетий грели сердца граждан и кошельки владельцев.

А вот что должно означать «SALVADORE» – это гигантское слово, разьежающее по городу на боку трамвайного вагона, тут можно фантазировать долго и весело – больно уж слово красивое!

Государство Сальвадор (но причём тут Сальвадор!?), и что ещё? Салон красоты (почему не «Русь»)? Ресторан (почему не «Алтын-кель»)? Парфюмерия с ароматами для женщин (почему не «Багульник»)? Крылатый мутант из фильма-фэнтези «Ангел Сальвадоре» (почему не «Ангел Иванушка»)?

Прекрасен город в Сибири, где по улицам катается трамвай, украшенный грёзами наяву. Садись в трамвай где-нибудь на остановке «Кутузова» и едешь себе, едешь – до конечной в государстве Сальвадор на улице предводителя первого коммунистического крестьянского восстания Фарабундо Марти.

Однако расслабиться не надейтесь и там, в мире грёз! Преступность в Сальвадоре самая высокая в Латинской Америке. Нам, конечно, не привыкать, но всё-таки, боже упаси! И что совершенно непостижимо для российского гражданина, продолжительность жизни мужчин и женщин в Сальвадоре чуть ли не на десять лет превышает наши показатели. Опять же рождаемость высокая, а смертность низкая.

– Странно всё это! – думалось мне. – «Во глубине сибирских руд» трамвай с маршрутом за океан. Но красиво! Летучий трамвай – где ещё такое увидишь? Только в торговом граде-наукограде Бийске.

Правда, тут же на ум пришёл фильм известного режиссёра, в котором отверженные улетают в небо на «Летучем голландце». Улетают в Страну Счастья навсегда. Красиво! Но печально. Однако такова жизнь, друзья мои, и с этим приходится мириться.

Бийск, Первый участок, 2015 г.

18. Гейдекштрассе

Любила я иногда, возвращаясь домой, сделать крюк – проехать лесным путём, где на входе в оборонное предприятие с некоторых пор была построена маленькая церковь. Скорее, не церковь, а часовня. Я называла её – храм на Гейдекштрассе.

Улица, на которой находилось оборонное ведомство, так и называлась – Гейдекштрассе, по фамилии бывшего директора, который содержал завод в идеальном порядке. Вокруг сосновых лес – справа и слева, а по просеке проложена улица с трамвайными путями и обычными пассажирскими остановками. Благодаря усилиям директора, не только завод, но и прилегающие территории, всегда выглядели сказочно красиво. Кованая ограда была превращена с помощью покраски в бело – синие замысловатые кружева и тянулась вдоль всей лесной улицы. Фонари в старинном готическом стиле освещали асфальтовую проезжую часть и трамвайные рельсы в ночное время. Остановки – игрушечные теремки с деревянными скамейками казались жилищами лесных гномов.

Давно ушёл из жизни бывший директор, а сказочная улица его имени жива и выглядит по – прежнему идеально, словно находится где – нибудь в центре Европы. А теперь её украсило маленькое небесное чудо – Покровская часовня, которую народ метко назвал «умной часовней». На её звоннице – семь колоколов. Все они подключены к компьютерной программе «электронный звонарь» и восемнадцать мелодий их задаются с пульта управления.

Тот, кто построил часовню, уже создал свой личный мост в будущее – пусть маленькую, но заметную тропинку к Богу (и к людям!), которая проходит и через улицу Гейдекштрассе.

Казалось бы, странное сочетание – оборонный завод и часовня. Однако ничего случайного не бывает, жизнь и смерть всегда рядом, как мир и война. И не просто рядом, но одно проистекает из другого – так велико взаимопроникновение материального и духовного. И что было первично, что вторично – этот вопрос не имеет смысла, ибо всё рождается из всего, и всё умирает во всём.

Бийск, 2015 г., Гейдекштрассе.

19. Я вернулась

Женский силуэт в невесомых серебряных одеждах проявился на текучем фоне снегопада. Словно древняя фреска в Соборе. Я стояла на краю огромного увала, похожего на спину спящего белого медведя. Устремлённая вперёд, как стрела в невидимом луке, почти летела сквозь кружево мохнатых хлопьев. Внизу новогодними огнями блестел в снежной мгле город. Маленький, узкий, вытянувшийся вдоль реки. Он напоминал лежащую в снегах, украшенную живыми блёстками, ёлку. Вот-вот поднимет её невидимая рука – и огни вознесутся в небо. Сверкающие снежинки и огни города сольются в едином порыве ветра. Трудно не полететь в этом вихре.

И я полетела.

Самоцветной кометой неслась вдоль улицы, освещённой фонарями и огнями новогодних гирлянд. Слева был виден серебряно-голубой, парящий над землёй силуэт Успенской церкви. В призрачном свете ночного города сверкали золотом кресты над его куполами. Справа, уходя вдаль, изгибаясь вдоль берега реки, гудел ночной город. Вдали угадывались сквозь мглу кварталы Зелёного клина, похожие на светящиеся вафли остовы девятиэтажных домов.

Хотелось вспомнить сквозь поток снежного времени то, что уже знала об этом городе. Когда-то, в другой жизни, я жила здесь. Да, это было – может быть во сне. Но маленький городок, эти улицы, реку, спящую подо льдом, светящийся собор – всё это приходилось уже видеть. Я знала, что здесь заканчивается одна из тупиковых ветвей необъятного железнодорожного пути.

О чём думала я, летящая в снегопаде? Наверное, мысли мои были просты и печальны. Например, таковы:

Я пришла на эту Землю. Я вернулась. Здравствуй, столица Тьмутараканских Царств, город – пустырь, город – тупик! Спят твои, когда-то важные, секретные заводы. Промышленная окраина похожа на состарившуюся кошку. Она выброшена за ненадобностью хозяином. Ей остаётся только спать, свернувшись клубком. ТЭЦ всё ещё пыхтит. Но это всего лишь механическая машина, пожирающая каменный уголь. Всё это перестало быть сердцем города. Да и где оно теперь, бывшее сердце?

Этот пламенный мотор исчез. Он стучал день и ночь. Война против капитала, защита Родины – рабоче-крестьянской, народной, своей... Тук-тук, тук-тук, так-так... Эта война закончилась. Капитал уже здесь. А сердце переместилось в желудок. Город производит пищу и лекарства от этой пищи. Все идеи, кроме одной – умерли. Но эта идея бессмертна – деньги! Всё брошено на службу великой иллюзии: деньги – богатство – счастье.

Всё продаётся – и человек тоже. Мораль рынка... А мысли и таланты человека, который продан, не стоят ни копейки. Всё это – сущий хлам. Кроме идей, приносящих деньги.

Здравствуй, Приют Престольный – я вернулась из дальних странствий. Хорошо бы ещё понять – куда я вернулась? Нужна ли я здесь? Что может женщина в этом механическом мире? Я вернулась. Я здесь, в этом городе. Значит, выбора уже нет. Значит, надо жить!

Самара – Бийск, Барнаульский взвоз, 2001 г.

20. В городе крыш

Есть города, стоящие на земле. Есть подземные города мёртвых – кладбища.

В нашем городе сейчас есть одно самое высокое здание – десятиэтажка. Около сорока зданий – высотой в девять этажей. Остальное – пятиэтажные дома и жмущийся к земле частный сектор.

Поэтому из окна моего девятого этажа открывается просторный вид – это Город Крыш. Пустынный Город Свободы. В нём живут только птицы и я.

Крыши сверху похожи на палубы подземных лодок. Вот они поднялись из преисподней и застыли от удивления – оказывается, над толщей суеты есть небо и солнце! Есть другой мир. Он, действительно, другой. Это блистающий мир Природы, созданный Богом.

Он так сильно отличается от мира, творимого людьми – от этой душной возни, суеты и безнадёжности.

Мысленно шагаю по крышам, потом – по кронам сосен, по травам в степи, по вершинам гор. Здесь я могу быть Ангелом. Внизу Ангелам нет места. Мой город – это Город Над Городом! Приходите в гости!

Мой верхний этаж

*Небо – налево,
и небо – направо.
В небе живу —
все рассветы – одной!
Только людей ошалевших
орава
Где-то внизу,
как тюльпаны весной.*

*Вспыхнут, мелькнут
И пропали. И нету.
Снова летят облака
надо мной.
Снова смотрю
на пустую планету —
Город ночной.*

* * *

*Вечерний город —
словно бусы,
Рассыпан далеко внизу.
Цветастым заревом искуса
Огни рекламы навесу.*

Как я люблю

*смотреться в вечер
Из поднебесных этажей.
Он ветром северным отмечен
И с каждым мигом всё свежей.*

*И вот во тьме,
роня звёзды,
плывёт
морозный Млечный Путь.
Ах, так уже, наверно, поздно!*

Да ничего – уж как-нибудь!

** * **

Памяти сына Славы

*Вот и снова гнездо моё,
Снова легко вознеслось.
Небеса надо мной
Да свободные дикие птицы.
Я достану рукой
И поглажу планетную ось,
И позволю глазам
До земли опуститься.
Высоко, высоко —
Только крыши внизу да снега.
Только солнце внизу
Раскалённым малиновым диском.
Только ветер свистит,
Унося холода на «юга».
Далеко, далеко мой сыночек...
И близко.*

*Помнишь, детка, моя,
как мы жили тогда —
Так давно,
словно этого не было вовсе,
Как светила вечерняя наша звезда,
и кружился наш космос
с полярною осью.*

** * **

*Да, вот так —
в холодных переулках,*

*там, где осень вышла на разбой,
каждый шаг размеренно и гулко
разводил судьбу мою с тобой.*

*Далеко – теперь уже не слышно —
за спиной, за временем – беда.
Так случилось,
так по жизни вышло —
далеко-далёко, навсегда.*

*Мокрый город
в мокрых жёлтых листьях,
В эту пору акварельных слёз
что же ты печальное замыслил,
что ты невозвратное унёс?*

Бийск, 2004–2005 г., район 1-го кирпичного завода, улица Социалистическая, 35, 9 этаж.

21. В старом центре

*В заваленном снегами горсаду
свистит печально жёлтая синичка.
Витым хвостом болтая на ходу,
сиамский кот охотится за дичью.
Его прыжки пружинисто-легки.
А у меня судьба совсем другая —
весёлый гном без глаза и руки
улыбку мне сегодня предлагает.
Ах, милый гном, я рада быть с тобой.
Ты мне во всём
решиительно подходишь.
Мне нравится камзольчик голубой,
пошитый не по моде,
и снежный барс на шапочке твоей —
мечта любой крестьянки и миледи.
Мой милый гном,
сегодня же – ей-ей! —
мы в свадебный круиз
с тобой уедем.
Мы запряжём сиамского кота,
и маленькие, маленькие сани
нас увезут отсюда навсегда
туда, где завтра
новый день настанет.*

Бийск, горсад, 2005 г.

22. Дом мой и храм мой – Бийск

*Город мой драгоценный!
Святитель!
Я бесконечно в тебе повторяюсь.
Дом мой и Храм мой!
Святая обитель!
Жизни зерно и весёлая завязь.
Город мой драгоценный
и грешный,
брошенный жизнью бродяга бездомный,
нищий бессовестный,
каменный леший
в топке вселенской пылающей домны.
Город мой драгоценный,
алмаз мой!
В сердце твоём
жизнь и смерть погибают.
Только бывает ли
жертва напрасной?
Только до смерти ли
грех убивает?*

Тот, кто не жил в деревне в старом деревянном доме, где быстро разрушается крыша, от старости начинает дымить печь, где ограда моментально зарастает полынью и лебедой, если хозяин ушёл из дома в мир иной, а зимой дом заметает снегами до середины окон, и нет транспорта, чтобы добраться до райцентра в больницу, тот не поймёт вот этого моего стихотворения. Город – великая сила, защита для человека. И хотя в городе немало других опасностей и проблем, всё равно – это Храм Жизни. Бийск теперь – моё единственное убежище, мой Храм, ибо дом родительский остался в другом времени и другом измерении:

Рай

*Кошка сидит на перилах,
гаснет закат в дыму.
Полутонами берилла
Сад примагнитил тьму.
Мама идёт с огорода,
Лейку несёт в сарай.
Ткёт паучок погоду...
Там, в середине года,
Так и остался рай.*

* * *

*Мимо прошли травяные польнные дни
В летнем, цветущем, поющем обличье,
Мимо – крылатые, птичьи, синичьи.
Вот мы остались с тобою одни,
Дом мой родной, мой защитник столетний —
Самый последний из прошлых отметин.*

*Время настало, и я ухожу горевать
В каменных дебрях безлюдного хищного града.
Звать-не дозваться, во сне о тебе узнавать,
Мимо бежать, торопиться
в колючее «надо».
Ты одинок. И чужие под крышей твоей.
Нет никого среди праздных
и многих, и многих.
Дом мой, прости.
Убегают в пустыню дороги.
Нет ни следа.
Лишь песчаный колышется свей.*

Бийск, ул. Советская, Успенский Храм, 2005 г.

23. «А мне повторенья не будет...»

Владимир Башунов для меня жив, и мне кажется странным, что я давно не виделась с ним. Вот, думается, приеду в Барнаул, войду в деревянный дом на Анатолия 102 и в коридоре встречу его. Передам приветы из города Бийска и подборки стихов, своих и чужих, с надеждой на добрую оценку. Ловлю себя на мысли, что я просто скучаю по этому человеку. Однажды в феврале, когда приближался день его памяти, я даже написала ему письмо. Это было письмо, адресованное всем, Письмо Памяти. Поэтому оно было опубликовано в «Алтайской Правде».

21 февраля – день памяти Поэта.

ПИСЬМО ВЛАДИМИРУ БАШУНОВУ

Владимир Мефодьевич! Володя! Сегодня, в февральской метели, где-то в её снежной дали, слышу я твоё окликание «Ау!». Я машу рукой и знаю, что ты видишь меня. Видишь оттуда – из далёкого 1974-го.

Тогда я приехала в Барнаул на краевой семинар молодых писателей. И впервые увидела поэта, чьё имя было у всех на устах. Владимир Башунов, участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, только что рекомендованный в Союз писателей СССР. Владимир Башунов – знаменитость, новая звезда! Так сказали бы сегодня.

Хорошо помню своё первое впечатление – молчаливый, сдержанный, ироничный и к себе и к другим. Умница, эрудит. Ты остался таким, остался самим собою на всю жизнь. С годами к твоим чертам добавилось лишь ощущение какой-то затаённой боли, которую всегда носил в сердце. Об этом твои слова:

*...Матерь Божья, Оберег России,
или отвернулась ты от нас?
И без материнского догляда
всё пошло рывком да кувырком.
Тянет ниоткуда сквозняком.
А душа, взыскуя, ищет лада
и бредёт по углям босиком.*

Как всегда негромко, но слова прожигают душу насквозь!

А тогда, в 70-х – начале 80-х, мы были молоды. Жизнь сияла ярко и обещала так много. Помню частые твои посещения Бийска. Наши посиделки в общежитии, где жил твой брат Борис. Маленькая комната. За окнами – сосны, за ними – вечерние огни соседних домов. Мы сидим вокруг стола. Мы – это Саша Родионов, ты, твой брат Борис и я. О чём мы говорили тогда часами? Конечно, о поэзии. Конечно, о жизни. Читали стихи – и свои, и чужие.

Так и слышится мне твоя негромкая раздумчивая речь; импульсивные, словно азбука Морзе, слова Саши Родионова. Борис и я больше молчали, слушали. Ещё бы не слушать – где ещё найдёшь таких собеседников: поэтов, мудрецов, насмешников и лириков в одном лице!

С тех самых вечеров в Бийске и полюбилось мне твоё «Заклинание»:

*«От звезды до звезды,
от весны до весны
да не грянет беды —
да не будет войны!»*

*Будут речи ясны,
терпеливы труды
от сосны до сосны,
от воды до воды.*

Заклинание сбылось. Слова превратились в судьбу, стали живой жизнью. Поэтому это стихотворение и завораживало с самого начала, с первого звука. Ведь любой человек всегда чувствует, где ложь, а где правда. Когда лгут в стихах, это уже не просто чувствуешь – тошнить начинается. Ибо смысл слова в стихах возведён в степень. Слово поэтическое – сильнодействующее средство. Ты всегда это знал. В твоих стихах нет лжи, нет позы, поэтому они близки к Истине. Они подлинны, рождены на свет, как рождаются дети.

Вот одно из моих любимых:

*Вот и ягода с печалинкой,
с холодинкою вода.
Гуси к берегу причалили.
Разбрелись в лугах стада.*

*Бор листом и хвоей выстелен,
в соснах вспьшки янтаря.
Это я стою под выстрелом
золотого сентября.*

Кажется, что лучше уже просто не сказать.

Потом была совместная работа над моей первой книжкой «Дикая мальва». Она была издана в Барнауле в 1981 году. Ты тогда работал главным редактором Алтайского книжного издательства. Как много дала мне работа над этой маленькой книгой! Тебя, Викторию Дубровскую и Ирину Козловскую я считаю своими учителями. Именно в общении с тобой и этими женщинами – умными, эрудированными, профессионалами своего дела – я и поняла, что такое поэтическая книга.

Когда книжка вышла в свет, состоялись многочисленные встречи с читателями. Ты находил время и приезжал на некоторые из них. Я была горда тем, что издана моя первая книга. А ты с заметным оттенком похвалы рассказывал, как создавалась книга. Ты говорил, что книга особенная, поэтому и коллектив, который работал над ней, тоже особенный. Автор, редактор, рецензент и художник в этой книге – женщины. И каждая в своей части работы проявилась ярко и неповторимо.

Мне очень жаль, что не стало Алтайского книжного издательства, что работа над книгой ушла в область самодеятельности. И я думаю, мне очень повезло, что успела тогда в течение двух лет пообщаться с профессионалами – издателями и редакторами.

Володя! Никогда не забуду, что ты, именно ты, написал мне рекомендацию в Союз писателей СССР. Накануне приёма я приехала в Барнаул, и ты зашёл ко мне в гостиницу. Это был экзамен. Ты, словно судья, спросил: «Зачем тебе нужен Союз? Что ты ждёшь от этого события?». Я несколько не удивилась, потому что знала, как серьёзно ты относишься к этому. Ты считал, что случайных людей не должно быть в Союзе. Я сильно нервничала, потому что тоже серьёзно относилась ко всему, что касается писательства. Поэтому разозлилась и, кажется, ответила грубостью. Как ни странно, тебе именно это и понравилось. Я поняла, что ты поверил мне. Ведь если бы я была дипломатом и политиком, то в такой момент вела бы себя совершенно иначе.

Как больно читать сейчас твои строки:

*Не сирая утка кричат,
не выюга воев в трубе —
Алёнушка горько плачет
о братце и о себе.*

*Те слёзы не убывают,
но сами себя несут.
Нас ближние убивают.
Нас дальние не спасут.*

Как странно и удивительно, что твоя жизнь, целая жизнь, огромная и неисчерпаемая, уложилась в два десятка книг. Цвета обложек менялись от василькового, солнечно-зелёного («Васильковая вода», «Возвращение росы» ...) до сумеречного, ночного и сурового («Третья стража»). Словно солнце взошло, поднялось в зенит и стало клониться в сторону ночи. Всё зримо и живо – от обложки до каждого слова под нею.

Как много сказано в твоих книгах от первых строк: «Пока бежит песок в часах...» – до последних: «Последний луч горюет над землёй. Последний уголь пылает над золой».

Володя! Сейчас я вместе с тобой читаю твоё стихотворение и не могу сдержать слёз.

*Завидная доля черёмух —
Завянуть и снова отцвесть.
Всему на земле очерёдность,
Всему повторение есть.*

*А мне повторенья не будет.
За краем ослепшего дня
И ливень меня не разбудит,
И лес позабудет меня.*

*Земля будет тёмной, оплывшей...
Но каждую клеткой своей,
Несдавшейся,
Неостывшей,
Я всё буду помнить о ней!*

«Алтайская правда» за 21 февраля 2006 г.

24. На улице Мерлина

В ночь на первое сентября Слава долго не мог заснуть. Смена обстановки, шум города, лязг трамвая, ясно слышимый из окна – всё было непривычным. Но не это главное. Школа – вот что занимало его мысли. Как это будет? Понравится ли? Представить себе что-то конкретное мальчик, конечно, не мог.

Я тоже ворочалась с боку на бок – сон не шёл. Ясно понимала, что сыну будет трудно привыкать к режиму, новой нагрузке. Много, конечно, зависит от учительницы. Какой она будет? Понравится ли Славе? А если нет?

Наконец, услышала, как сын задышал ровно и слегка засопел – значит, уснул. Через полчаса в окно заглянула поднявшаяся из-за горизонта луна. Дорожка сумрачного света пролегла вдоль блестящих половиц, пересекла ковёр на полу и высветила угол дивана, где уже засыпала я. Только бессонный будильник отсчитывал шаги в ночной тишине, отмеряя время сна и приближая утро. Но пока и оно спало где-то далеко, за горизонтом, укрывшись ночным пологом, не желая открывать своё сияющее лицо. Время зависло, словно не хотело, чтобы Слава переступил какую-то невидимую черту. Что там, за ней, не знал никто.

* * *

Первоклассники выстроились живым прямоугольником. В левом углу этой фигуры восстала Нина Алексеевна. Я всё старалась подняться на цыпочки, чтобы не упустить из вида сына. Он примостился с правой стороны. Цветы так и не успел отдать учительнице и старательно держал букет перед собой. Я легко находила сына взглядом – в общем строю издали видна была его причёска – «ёршик домиком». Таким ершистым домиком наградила его природа. По – другому волосы не хотели укладываться.

– За мной! – скомандовала Нина Алексеевна.

Первый «А» потянулся за своей учительницей. Я и другие родители двигались следом. Недружной толпой просочились в двери, повернули направо, потом ещё раз направо. Лабиринт школьных коридоров гудел от топота бесчисленных детских ног, от гомона и криков. Где-то громко хлопали двери. Кто-то отстукивал стаккато по ступеням. Обычная школьная суета. Конечно, для тех, кто привык к ней.

Нестройная шеренга первоклассников постепенно скрылась, втянувшись внутрь класса. Нина Алексеевна захлопнула дверь. Родители остались без своих любимых чад. Один особенно любопытный дед сразу же прильнул ухом к дверной щели. Слегка приоткрыв рот, он прислушивался к тому, что происходило там, в недрах помещения, где сейчас шёл самый первый в жизни их детей школьный урок. Я пристроилась рядом. Хорошо был слышен громкий голос Нины Алексеевны. Она рассказывала о школьном распорядке, о требованиях к первоклассникам, о том, что необходимо принести завтра на занятия.

– Завтра у нас будут три урока – изучение алфавита, написание букв, счёт и рисование. Поэтому на уроки нужно принести два учебника – букварь и арифметику. Для рисования – альбом и карандаши, или – фломастеры. Всем ясно то, что я сказала? Кому неясно, задавайте вопросы.

– А карандаши нужно принести все или только одну коробку? – раздался тоненький девчачий голос.

– Хватит и одной коробки. Ещё вопросы есть? Ну, если вопросов нет, давайте знакомиться. Я буду называть имя и фамилию, а вы должны отозваться и встать, чтобы все знали друг друга. Итак, первым в списке стоит Арбузов Костя.

Нина Алексеевна называла имена, а я всё ждала, когда дойдёт очередь до сына.

– Саша Борунов, Вася Володин, Игорь Грачёв... Саша Изагашев, Слава Козлов...

Услышала, как сын звонко выкрикнул: «Я!»

– Не так громко, не так громко, – прокомментировала Нина Алексеевна. – Дальше у нас идут – Сёма Лагутин, Даша Максимова, Дима Морозов... Саша Пеннер... Костя Свиридов...

Вот это громкое, почти надсадное «Я!» больно полоснуло по сердцу. Захотелось войти в класс, сесть рядом с сыном, прижать его к себе и защитить от чужих требований, правил, этой нагрузки, которая теперь легла на него. Я и сама плохо переносила что-то неизбежное, обязательное. Всегда в таких случаях хотелось освободиться. Слава почти наверняка чувствовал сейчас то же самое. Слёзы навернулись на глаза – так было жаль сына.

– Ничего, – мысленно успокаивала себя, – он не один. Всем придётся подчиняться дисциплине. Слава привыкнет.

Резко затрезвонил звонок. Я и не заметила, как прошли эти, казалось, бесконечные тридцать пять минут. Уроки для первоклассников были на десять минут короче, чем для других.

– До свидания, ребята! Жду вас завтра к началу уроков, – донёсся голос Нины Алексеевны.

Из дверей повалили мальчишки, потом – девчонки. Славы не было. Я заглянула в класс. Оказалось, сын уронил букет и теперь лазил под партой, собирая упавшие астры.

– Ты так и не отдал цветы?

– Я не успел, – грустно и устало сказал Слава.

* * *

Сын долго не мог ни с кем подружиться во дворе. Поэтому я старалась всегда сопровождать его, не мешая, не привлекая внимания мальчишек, лишь наблюдая за их играми издали.

Однажды Слава увидел, как незнакомый белоголовый мальчик в стороне от всех остальных старательно пытается пройти по кромке фундамента вдоль бетонного гаража. Он почти прилип спиной к стене, раскинул руки и маленькими боковыми шажками передвигался вдоль выступающей ступеньки. Ему было трудно удерживаться на узкой кромке. Любое неверное движение влекло вниз, но мальчик упорно продвигался вперёд, стараясь обойти гараж вокруг. Он напоминал скалолаза. И не важно, что падать пришлось бы с высоты всего в полметра, ведь главное не это. Главное – не упасть совсем.

Слава с интересом наблюдал за мальчиком. Я тоже. Зрелище увлекало, и через пять минут мы уже с азартом гадали – дойдёт ли скалолаз до конца пути. Но тут Слава вдруг подбежал к мальчику и столкнул его с фундамента.

– Зачем ты это сделал? – воскликнула я. Но через секунду уже поняла – сын не выдержал напряжения, не смог больше переживать за ходока.

Мальчик постоял секунду, наблюдая за Славой, и молча направился вдоль гаража к началу своего нелёгкого пути. Снова устроился на узкой ступеньке спиной к стене и двинулся вдоль фундамента. На этот раз Слава последовал за ним. Но очень скоро свалился на землю. Ему явно не хватало опыта. А мальчик продолжал своё скалолазание и, наконец, достиг цели – обошёл гараж вокруг.

Мы аплодировали ему, словно знаменитому цирковому мастеру.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Лёша.

– А это Слава. Мы живём вон в том доме – квартира девятнадцать на пятом этаже. Приходи в гости. Если хочешь, пойдём сейчас. Я напою вас чаем с печеньем и конфетами.

– Нет, я пойду домой. Мне пора. А завтра зайду к вам после школы.

– Ты учишься в восьмой школе?

– Да, во втором классе в первую смену.

– Заходи, – сказала я, – мы будем ждать.

Так началось знакомство с Лёшей, который стал лучшим другом Славы, если не считать друзей одноклассников – Саши Изагашева и Кости Свиридова. Эти мальчишки были друзьями по школе, а Лёша – во дворе. Слава боготворил своих друзей – ему так не хватало мужского авторитета, не хватало отца.

Бийск, 1982 г., улица Мерлина, 4 и Школа № 8.

25. НА УЛИЦЕ МУХАЧЁВА

На новом месте Слава нашёл и новых друзей. Это были ребята, которые жили рядом – либо в том же доме, где и мы, либо – в соседних. Первым из них появился Женька. Своей шустростью, хитростью он был похож на друга детства Валерку – также постоянно выпрашивал игрушки, предлагал менять одно на другое, с удовольствием менял свою одежду на одежду Славы, выбирая вещи поновее. Но при всём при том, во дворе он становился ярым защитником друга. И это, конечно, окупало его недостатки. Слава очень привязался к Женьке.

Я не мешала этой дружбе. Тем более что Женька был весёлым парнем, никогда не унывал, постоянно улыбался, всегда старался находить выход из трудной ситуации самостоятельно.

Слава мог многому научиться у Женьки. Но в то же время, денег на мелкие расходы, например, на завтрак в школьной столовой, Женька никогда не имел. С малых лет пытался решить это своими средствами. Тем же обменом. Менял старую игрушку на новую, а новую продавал кому-нибудь. Пытался играть на деньги в карты и бильярд, который находился неподалёку – в фойе гостиницы «Центральной».

Узнав об этом, я долго объясняла сыну, почему не стоит играть на деньги.

Рассказала несколько историй, когда мальчишки, проиграв небольшую сумму, попадали в зависимость от жуликов и становились их рабами.

Позднее появился Гриша Левченко. Это был красивый и умный мальчик, сын военного. Он жил с родителями на территории первого военного городка, который находился недалеко от дома, и всего метрах в пятистах, за зданием четвёртой школы.

Гришка постоянно торчал в многолюдном дворе, где мальчишки всегда играли то в футбол, то в войну или в догонялки с девочками. Иногда уходили к кому-нибудь слушать музыкальные записи. Однажды Гришка зашёл домой к Славе, и с тех пор стал часто бывать у нас в гостях. Я всегда радовалась, когда появлялся этот паренёк, большой выдумщик, изобретатель и отличник. С Гришей Левченко в дом входили умные игры – шахматы, рисование, военные сражения пластмассовых армий с придумыванием сложной тактики и стратегии. Оба игрока превращались в генералиссимусов, могли часами передвигать свои армии и обсуждать, что получится из той или иной военной операции.

Гришка часто рассказывал об отце, которого очень любил и считал героем. Так и было на самом деле, потому что его отец участвовал в черныбыльских событиях. Одно было плохо – он после этого серьёзно заболел. По рассказам Гришки отец старался приучить его к мысли, что когда-то сыну придётся остаться за мужчину в доме. Значит, дела были не очень-то хороши.

Гришка, рассказывая это, смахивал слезу, но старался не расслабляться. Видно было, что таков приказ отца. Но за играми всё забывалось, Гришка становился обыкновенным пацаном. Он же обратил внимание Славы на книги. И это сыграло важную роль. Когда я пыталась заинтересовать сына чтением, он как-то пропускал это мимо ушей. А вот гришкино мнение было учтено.

Именно с тех самых пор Слава стал читать, при чём книги выбирал совсем не по возрасту. Например, вдруг заинтересовался и долго размышлял над сочинениями графа Алексея Толстого. Дважды перечитал повесть «Пётр Первый». Потом увлёкся Уэллсом. В это время ему было десять лет. Больше всего удивляло меня, что Слава полюбил Гёте. С его произведениями не расставался до самых последних дней своей короткой жизни.

Но всё-таки самым близким и верным другом Славы стал Лёша Пинской, по прозвищу «Малой». Это прозвище пришло к нему из какого-то американского боевика, где один из героев звался таким именем и был чем-то похож на Лёшку. Или наоборот, Лёшка был похож на актёра.

Вот кто мог часами слушать музыкальные записи, а потом взять в руки гитару и точно воспроизвести понравившуюся мелодию. У Лёшки был абсолютный слух и неплохой голос. Музыка стала тем, что связало двух друзей крепче крепкого. Вскоре я купила на неплановую премию музыкальный центр с большими стереоколонками. После этого Лёшка почти поселился в нашем доме. Он уходил домой только, когда я возвращалась с работы. Кормила друзей ужином. Слава садился за уроки, и Лёшка тоже бежал заниматься домашним заданием.

Самым замечательным в друге Слава считал то, что тот понимает и любит музыку так же, как и он сам. И вкусы их совпадали. Они часами слушали любимые группы: «Арию», «Моральный кодекс», «Парк Горького», «Алису», «Агату Кристи», «Наутилус», «ДДТ», «Ланден бит», «Куин», «Европу». Слава знал названия всех новых альбомов своих кумиров, все их мелодии и тексты. Лёшка тоже.

Одно отличие было заметным в друзьях – Лёшка уже активно засматривался на девчонок. Они обращали внимание на его светлые волнистые волосы, ослепительную улыбку и всегда удачные шутки. Им нравилось, как он поёт под гитару. Впрочем, это нравилось всем. В Лёшке не просматривалось оборотной стороны, он имел открытый бесхитростный нрав. В этом они также были близки со Славой. Странно, но и судьбы их оказались трагически схожими.

Но тогда, в детстве и ранней юности, они любили музыку, смеялись, учились в школе. Позднее стало ясно, что в их короткой жизни это и было самым счастливым временем.

Дворовые пацаны, пока не подросли, постоянно играли в войну. На смену этой игре пришли футбол и волейбол. Потом все дружно ходили в секцию самбо. Летом учились плавать, не вылезая целыми днями из воды. Иногда случались драки. Но это не нарушало мальчишье братства «Казанки» – так называла их ватага район улицы Мухачева, Табачки, Центральной гостиницы.

В шестом и седьмом классах все поголовно вдруг увлеклись пиротехникой. У каждого на балконе сушились газеты, пропитанные раствором селитры. Это «топливо» после сушки забивалось в ракеты из фольги. Готовые конструкции запускались в полёт на пустыре за военным городком.

В восьмом классе все занялись штангой. Тогда уже вошли в моду дискотеки, и пацаны толпой ходили завлекать девчонок. Слава пока не дорос до этого. Но штанге и музыке он был беззаветно предан. Я купила ему настоящую наборную штангу. Слава, Лёшка и Женька часами по очереди тренировались, постепенно, изо дня в день, наращивая вес груза.

Приходили тренироваться даже девчонки. Ирка Казанцева, круглолицая, похожая на пацана, каждый день занималась штангой наравне с мальчишками.

Даже я однажды попробовала поднять предельный для себя вес. И тоже стала поклонницей тяжёлой атлетики. С усилием подняла, зафиксировала вес и опустила штангу. Этого оказалось достаточно, чтобы вдруг заработал весь организм. Пять минут работы со штангой, заменяли часовую тренировку с обычной нагрузкой. Это было удобно. Пять минут – и готово, ты уже израсходовал кучу калорий.

Слава стал с удовольствием ходить на уроки физкультуры. Раньше не любил их. Во дворе школы была оборудована спортивная площадка. Турник, вертикальные металлические лестницы, бревно, горка, волейбольное поле... Слава постоянно пропадал там вместе с друзьями. Как только заканчивал подготовку домашнего задания, сразу бежал в школьный двор. Выходные дни мальчишки тоже проводили на площадке.

Бийск, улица Мухачёва 250, конец 80-х.

26. Ничего случайного...

Я встретила с ним случайно. Хотя... Ничего случайного, как известно, не бывает. Наша встреча произошла в самое тяжёлое для меня время. Тогда я потеряла свой дом.

Заканчивались три провальных года скитаний по чужим углам. Заработав в большом областном городе Самаре какую-то сумму на покупку жилья, я вернулась в родные места. Здесь по-прежнему не платили людям за работу, и жильё стоило баснословно дёшево. Бийск, который считала родным, встретил меня отстранённо-равнодушно.

Ранняя весна захватила улицы, улочки и переулки – сугробы таяли, скукоживаясь и исчезая. Вместо них на свет божий являлась какая-то осклизлая чернота, обрывки бумаг, смятые сигаретные пачки, окурки и прочий мусор – любимое творение горожан.

Люди бежали по грязным улицам, прыгая через лужи. Счастливицы – на почти бесплатную работу, прочие – кто куда, по делам суетным.

У каждого из них на лице, словно маска, проступала железная уверенность в правоте. В какой правоте? Неважно. Каждый стремился туда, где его ждало нечто рациональное – дом, магазин, почта, фрезерный станок на рабочем месте...

И только одна я не знала, что ждёт меня за углом, не говоря уже о дне завтрашнем. «Завтра» для меня было таким далёким и неясным, что не стоило даже и представлять себе его таинственные горизонты. Я уже привыкла скитаться, меняя адреса, ненадолго привыкая к новому жилищу, соседям, легко теряя всё это снова и снова.

Родными были лишь птицы да весеннее солнце. Оно светило всё ярче. Синицы и воробьи галдели бесстрашно и весело. Под звуки их оптимистической симфонии я взойшла, словно на подмостки сцены, на высокое крыльцо гостиницы «Центральной». Обернувшись, охватив ясный день одним взглядом и вобрав в себя его энергию. Она мне понадобится, ведь теперь мне придётся долго скитаться в родном, но чужом и равнодушном городе. Смогу ли я здесь найти свой дом?

Две недели прожила в гостинице. Вечерами, сидя за столом, включала телевизор. За окнами сгущались сумерки. Зажигались окна в домах, напротив. Весёлые огни подмигивали празднично сквозь прорези в занавесках. Пила кофе и меня не покидала иллюзия домашнего уюта. Казалось, что это и есть мой дом с красивой настольной лампой на столе. Но утром от иллюзии не оставалось и следа.

Всё это время я искала по газетным объявлениям квартиру, которая продавалась бы подешевле. По пятам за мной уже бродила толпа чёрных риэлторов – квартирных жуликов, которых расплодилось во множестве на рынке недвижимости: наглые тётки с хитрыми глазками и добрыми речами, молодые люди, предлагающие решить все проблемы разом и т. д. Я была для них удобной добычей – приезжая, не имеющая угла, зато имеющая какую-то сумму денег. Но жулики работали непрофессионально, неосторожно обнаруживая свои тайные намерения. Мне пока удавалось счастливо миновать их сетей.

Но деньги таяли, а дешёвое жильё для покупки всё не попадалось. Выход был один – снять на время недорогую квартиру или комнату. Я звонила по всем предложенным в газете телефонам, но везде мне сообщали одно и то же: «Квартира уже сдана». Остался лишь один адрес, где не был указан телефон.

И я отправилась в путь.

Двери открыл мужчина лет тридцати пяти – сорока.

Он провёл меня в коридор, потом налево – в небольшую комнату. Кружевные тени от занавесок лежали на светлых обоях, в левом углу стояла цветная тумбочка, в правом – диван. Больше ничего не было. Просторно и светло, несмотря на скромные размеры комнаты. Жилище мне понравилось сразу. Хозяин – тоже, чем-то неуловимым в выражении лица он

напоминал служителя церкви. С первого взгляда было понятно, что главная его черта – смирение. Или неумение лгать.

– Как ваше имя? – спросила я и с удивлением услышала:

– Иешуа.

– Как? – переспросила я.

– Иешуа, – спокойно повторил он. – Не удивляйтесь. Так звала меня мать – она утверждала, что я – Сын Божий. Она была поклонницей Михаила Булгакова.

Заплатив за комнату за три месяца вперёд, я отправилась забрать вещи из гостиницы. Через два часа мой дорожный чемодан уже стоял рядом с сиреновой тумбочкой в новой комнате. Так я поселилась в доме Иешуа.

Он, действительно, был похож на Иисуса. Несмотря на выбритое лицо, внешнее сходство поражало. Но и тональность его речей тоже совпадала с образом Сына Божьего.

– Неужели это всего лишь внешняя похожесть? Кажется, нет. Нужно будет поговорить с ним. Интересно, что думает этот человек о людях, – размышляла я, устраиваясь в новом жилище.

Долгие скитания и здесь сыграли со мной ту же шутку – мне снова казалось, что я уже дома. Спокойно спалось мне в эту ночь на маленьком диване в маленькой комнате. За стеной – в другой комнате спал Иешуа. От этого чужого человека, которого сегодня увидела в первый раз в жизни, исходило физически ощущаемое излучение добра. Казалось, что неожиданно, вдруг, пришла помощь и защита.

Начальное впечатление редко подводило меня. Обычно обманывалась я тогда, когда начинала логически анализировать того или иного человека.

При этом первый образ его как бы стирался. Но проходило время, и я вспоминала тот миг, потому что логические убеждения рассыпались в прах. И становилось ясно, что первое впечатление, именно оно, и было верным.

Три месяца прожила я в доме Иешуа. О многом удалось поговорить мне с этим человеком. Порой казалось, что его мать права – и он, действительно, Сын Божий. Может быть, так и оно и было. Очень близок к Иисусу был Иешуа. По сути, был он проповедником – благовествователем, так называл он себя. Этот удивительный человек в долгих беседах поведал и объяснил мне почти всё, что интересовало меня в Библии. «Откровение Иоанна» было главным предметом наших бесед.

Я слушала Иешуа и удивлялась – где он находит слова? Откуда у него такие знания? И в который раз соглашалась с его матерью, которая считала своё дитя Сыном Божьим.

Мои поиски жилья подошли к концу. После долгих скитаний нашла небольшую квартиру в старом деревянном доме, которая мне понравилась. Денег на эту покупку как раз хватало, даже оставался небольшой запас.

Моя последняя беседа с Иешуа странным образом совпала со временем этого события. Сын Божий ответил на мой последний вопрос:

– Как ты думаешь, Иешуа, Град Божий – это выдумка, а, может быть – это наше реальное будущее?

– Град Божий – это наше Прошлое и наше Будущее, – ответил Мудрец. – Многие люди видели и описывали Град Божий. Иоанн Богослов рассказал о нём, подробно нарисовал детали. Иоанн Богослов называет его, по сути – Новый Иерусалим. Каково же настоящее Имя Города, об этом узнают лишь Основатели Шестой Цивилизации, которые уже не будут иметь нужды в Промышленных Монстрах. «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет», – свидетельствует Иоанн Богослов. Но в Последние дни экологическая ёмкость планеты будет исчерпана. Наступит страшное время. Переполнилась Чаша терпения Божьего.

Иешуа, ходивший взад и вперёд по комнате, остановился. Казалось, огромная тяжесть навалилась на его плечи. Может быть, так и было – и он в этот момент держал в своём сердце переполненную Чашу Терпения, боясь расплескать её.

Тихий дождь, прикасаясь к стёклам, шептал что-то тайное. Порой большая капля срывалась откуда-то сверху и падала на металлический наличник окна. Звук, похожий на приглушённый голос колокола, отсчитывал вёрсты времени. Кто-то могущественный шагал там, снаружи, но вслед за ним, словно его неотлучная тень, следовали и мы.

– Скажи, Иешуа, когда это будет? – спросила я.

– Никто не ответит на твой вопрос. Никто не скажет, что будет через неделю или через год. Одно можно утверждать – что время это близко. И страшен Гнев Божий. Но с Именем Отца и Сына в сердце – бояться нечего! На Землю придёт Новая Эра, оставив нам маленькое зерно Жизни. Оно может прорасти в каждом, кто вместил в сердце Завет Божий.

– Скажи, Иешуа, как тебе удалось сделать это, ведь ты вместил Слово Бога в своё сердце? – спросила я.

– Всё очень просто. Я вставал утром, держа в руках эту книгу, и засыпал ночью, не отрывая от неё глаз.

Из Самары в Бийск, улица Ленинградская, 55, 2001 г.

27. Конверсия

Яркая женщина с раскосыми татарскими глазами поворачивалась плавно и странно, глядя то одним, то другим оком. Её причудливая причёска напоминала то розу, то гроздь винограда. Тонкие пальцы с длинными сиреневыми ногтями как бы жили отдельно, о чём-то рассказывая Посвящённым. Запредельная шаманская ритмическая музыка, не то танцующая, не то колдующая восточная женщина – так начался один из моих рабочих дней в период конверсии. Вставая в шесть часов каждое утро, я включала телевизор и пила кофе.

Вкус горячего кофе как бы сливался со странной заволаживающей музыкой, экранными образами существ, похожих на инопланетян. Болтливых на западный манер ведущих, которые говорили по-русски с английскими интонациями, их шаблонные речевые блоки, бесконечные пустые игры, я воспринимала как конвейерный поток жвачек или семечек. Из этого серого потока сознание вычленяло только то, что имело индивидуальность, как эта восточная демоническая женщина.

Но вот уже и я сама спешу на работу в потоке людей, движущихся как единый организм, как гигантский червяк. Хвост этого монстра старается догнать голову, которая уже проникла за проходную, преодолела щёлкающие автоматы, выплёвывающие пропуска, и многолапо расклась по разным зданиям бывшего НИИ, а теперь ФНПЦ «Алтай».

Здесь живой червяк приобретал другую форму. Он заполнял клеточки – рабочие комнаты, цеха, где начинал кипеть как бульон на горячей плите. Каждая такая кипящая клеточка выдавала свою продукцию – кто чиновничьи и научные бумаги, кто какие-то изделия.

Я работала одна в лаборатории – здесь в стеклянном оборудовании изобреталась новая технология – создавалось красивое производство витамина «С», не хуже швейцарской фирмы «Гоффманн». Я уже собрала установку с платиновым катализатором, подогнала все узлы и сегодня должна была провести первый опыт – получить промежуточный продукт.

Работала сосредоточенно, ничего не слыша кроме звуков действующей установки, следя за движением кислорода по прозрачной трубке, за вращением стеклянных лопастей мешалки. Постепенно бесцветный раствор окрашивался сначала в жёлтый, потом в коричневый цвет и приобретал запах патоки или карамели. Процесс шёл медленно. Я и не заметила, что солнце уже нырнуло за крышу соседнего корпуса – значит, время скатилось к вечеру. Остановила поток кислорода, выключила нагрев и мешалку...

Прислушалась к внешним звукам – по коридору гулко раздавались шаги, последние «из могикан» торопились домой.

Села за стол и подробно описала свой эксперимент – это одно из железных правил научной работы. Отложив тетрадь, снова прислушалась. Теперь по коридору гуляли только звуки тишины – какие-то странные вздохи, шорохи, из открытого окна слышались голоса синиц.

Когда уходят люди по домам, молчат навывлет модули строений – по ним гуляет Дух Изобретений, как изгнанный и проклятый имам.

Эти строки сами сложились из тишины и выткались в сознании как бы золотом по серебру. Мне было жаль НИИ, где проработала уже пятнадцать лет – почти всю сознательную жизнь. Западная волна варварского рынка ударила по этому научному учреждению, как и по всему живому в России, окатила его мутной грязью мелочной коммерции, источила, изъела его внутренности, как это делают паразиты, питающиеся чужими соками. Деньги, унесённые этой зловонной волной в лапы хищников, перестали быть эквивалентом труда. Неработающие деньги превратили в живой труп всю промышленность и науку.

Поэтому НИИ, где я работала, имел теперь жалкий вид – стал похож на нищего, собирающего подаяние. Опытные цеха, где раньше создавали уникальные технологии, были забро-

шены за ненадобностью и постепенно разрушались от холода, жары, дождей и ветров. Хозяйственные сотрудники унесли с развалин всё, что могло пригодиться в работе или на продажу.

Ухоженные когда-то тропинки в лесу, где стояли цеха, заросли дикой зеленью. Повсюду на территории топорщились свалки ржавеющего оборудования, торчали бочки, цистерны с неизвестным содержимым. Запустение и разруха смотрели отовсюду большими провалами в стенах зданий.

Я не могла равнодушно смотреть на эту картину распада. Было больно, словно это я сама неизлечимо заболела.

Многие, лишившись работы, ушли искать счастья в другие места, кого-то сократили, кто-то отправился в мир иной – так уменьшался коллектив НИИ. Новых сотрудников не принимали. Старели здания, старели люди – всё шло на убыль.

С прежней неистовой силой цвели только сирень и яблоня под окном научного корпуса. Сейчас, к вечеру, аромат их сгустился, и я чувствовала этот настырный запах жизни даже на втором этаже.

Сейчас ФНПЦ «Алтай» возродился, стал центром Бийска – наукограда. Всякий организм когда-то выздоравливает после болезни. Но я навсегда осталась там, в 1997 году – в научном корпусе 1-а, где под окном и сейчас цветут сирень и яблони, а в пустых коридорах гуляет Дух изобретений.

Бийск, ФНПЦ «Алтай», 1994–1997, 2015 г.

28. ОДНА ДОМА, ОДНА В МИРЕ...

*Если я засну, никто не закрутит кран.
Слышишь, капли стучат
в позабытое блюдо.
Никто не выключит радио,
не польёт майоран,
Терминатор не сможет в будущее вернуться.
Если я засну...
А ведь я засну —
В сон уходят даже цари и князья!
Обещаю не спать,
Но если засну,
Берегите себя, друзья!*

Бийск, улица Ленинградская, 33. 2014 год.

29. Мой Бийск – это мой сын

Памяти сына Славы 29.07.1976 – 08.11.2003

* * *

*Закончилось лето.
И август прозрачен,
Как спелый янтарный ранет.
И солнце взошло
Совершенно иначе.
Как жаль —
Ничего постоянного нет.*

*А завтра листва потечёт золотая,
И снова в лесах запоёт листопад.
И жёлтую книгу,
Как время листая,
Я буду читать невпопад.*

*И вскоре
В березовой охре листвяной
Проявятся письмена —
Твой почерк в строке
Долгожданной,
Заветная буква одна...*

* * *

*Сыночек, детка милая,
Проигран вечный бой —
Какими злыми силами
Разлучены с тобой?*

*Заплачет кто-то стансами,
А, может, запоёт —
Струна, струна цыганская,
Литавры и фагот.
Заплачет кто-то жалобно —
Труба, кларнет, гобой.
Когда могла да знала бы,
Поспорила с судьбой.*

*Всего лишь девять вечера,
Но за окном темно.
Смиримся, делать нечего —
Другого не дано.*

** * **

*Мой мальчик,
Я тебя узнаю
Во тьме,
В слепящем свете дня,
В толпе.
В пустыне,
В настоящем
И будущем.
Узнай меня!
Уходит время
Шаг за шагом,
За флагом лет,
Как пёстрый сон,
Дороги из цветной бумаги
Летят за горизонт —
Куда-то в царствие Синая,
Где ты от холода
Продрог.
И я бегу и догоняю
Тебя
На каждой из дорог.*

ЕВГЕНИЯ

*Слезинка Бога —
Ясный день осенний.
Течёт листва —
Иначе ей нельзя.
И девочка
По имени Евгения
Летит пушинкой,
По ветру скользя.*

*Евгения.
Красавица Евгения —
Любимица ребёнка моего,
Фаната рока,
Ангела и гения,
Люби его!*

*Покинул мир
Безумный и жестокий,
Но не забыл,
Поверь мне, ничего —
Он видит нас
Из дальнего далёка.*

*Люби его!
Люби его,
Красавица Евгения.
В живом рассвете
Света торжество.
Ты, летняя, осенняя,
Весенняя,
Люби его!*

** * **

*Зима совсем некстати,
Но Ангелы летят.
И в белом, белом платье
Разгуливает сад.*

*И ангельские лица,
И ветреный флагом —
Всё это мне приснится
В сиянье белых нот.*

*И там,
В полночном мире,
Всё повторится в лад:
Зима – весной в Сибири,
И Ангелы летят.*

*Вон там,
Где как подснежник,
От молнии – пробой,
Мой маленький,
Мой снежный,
Мы встретимся с тобой.*

** * **

Всё, что было, и всё, что станется —

*Перекрёстки ветров, цветы,
Поезда на забытой станции —
Детка милая, это ты.
Зацветает сирень в овражище,
Птица Феникс ушла в зенит.
Жизнь и смерть – это только кажется,
Это просто комар звенит.*

** * **

*В пустынном, забитом людьми и вещами
Заброшенном мире
Ты где-то, мой вещей, играешь на солнечной лире.
За тонкой завесой цветущего райского сада
Никто не достанет тебя неприветливым взглядом.*

*Играй же, играй, не бросай мою душу в потёмках,
И я не нарушу ничем переборов негромких.
Я стану травы молчаливей, молчания тише.
Играй же, мой мальчик! Сквозь бездны столетий
Я слышу!*

** * **

*На краю Ойкумены ветра бушевали,
Расплескались моря,
Словно стаи пираний.
И уже не поймёшь, и узнаешь едва ли,
Жизнь ли это,
А, может, паденье – за гранью.
Ты не бойся,
Мы здесь ничего и не значим.
Мы, наверное, умерли
В трансе мистерий.
А иначе, зачем всё захлёстнуто плачем,
И материя взорвана
Антиматерией!*

*Но никто не заметил
Коварной подмены —
Видишь, друг мой, какие жестокие лица!*

*Но и здесь, на кровавом краю Ойкумены,
Я тебя обниму —
Пусть мгновение длится.*

* * *

*Вот в этой завешанной тряпками лавке,
Тесной и сирой от мелких забот,
Я сегодня куплю полмира,
Если, конечно, мне повезёт.
Ну, не полмира, так хотя бы полцарства,
Или вазу династии Мин,
Кем-то выкопанную из карста,
Похожую на сотни настоящих мин.
Нет, пожалуй, куплю безделушку
За полушку – и останусь довольна ею
На тысячу лет.
Пусть она помнит вот этот день,
Где меня уже нет.
День без тебя, год и два,
А сегодня – двенадцать жутких лет.
Ты прости меня за все слова,
Что сказаны без тебя... вслед.*

2015 г.

СОН

*Вскипает розовое утро,
И сон о счастье недалёк.
Метель холодным перламутром
Погасит солнца уголёк.
Я не проснусь, я в сон поверю —
Нет ничего вернее сна.
Метель колотится за дверью
Пушистым хитрым умным зверем,
А мне всё кажется – весна,
Подснежник тихий у порога
И одуванчик золотой,
И вдаль летящая дорога...
Побыть во сне ещё немного,
Там – за невидимой чертой!
Да, я не очень осторожна,
Но пусть не кончится полёт —
Там – солнце, небо, Ангел Божий
Меня, весёлую, ведёт
К тебе, мой мальчик, мой любимый!
И вновь метель заносит след,
Но ты проходишь мимо (Мимо!)
За тонкой занавесью лет.*

АНГЕЛУ МОЕМУ

*Ветром воеет, собакой лает,
Чёрным лешиим глядит в окно
Ночь осенняя, скука злая,
Да прогнать её – не дано.
Эхо носит, стучит по крышам
Серебром – ледяным дождём.
Ты не слышишь меня, не слышишь,
Не найдёшь одинокий дом.
Ставлю свечку в светёлке старой —
Ангел светом души ведом.
Хлещет дождь беспросветно, яро,
Лает ночь – не пускает в дом.*

* * *

*Пригоршни звёзд в потоке чёрном,
Стальной занозой серп луны,
В ветвях берёзы нищий ворон
Экраном снов отражены.
В ночной симметрии зеркальной
Двоится мир. Змеится час.
Друг друга мы с тобой искали —
Но кто-то третий сглазил нас.
Твоё лицо – всего лишь в метре,
И к сердцу тянется рука.
Но между нами ось симметрии,
Рассвет,
Бессмертие,
Века.*

КОГДА ЭТО БЫЛО...

*Чуть тронешь, и тут же заплачет
Герань ароматом тоски.
Ты знаешь, ты помнишь,
Мой мальчик,
Побеги её высоки,
Округлы мохнатые листья,
Душисты соцветий венцы.
И душу, и сердце сиянием чистят
Цветов бубенцы.
И снова рассветною ранью*

*Малиновым радостным сном
Распещутся розы герани,
И ты промелькнёшь
За окном.*

ОСЕННИЙ СОН

*Где-то бродит ни Зверь, ни Птица,
Сон не идёт, и скучна молва.
Ах, не можется, не сидится:
Где-то мама моя жива.
Где-то, где-то в лесах далёких,
Инок странствует одинок —
Это мальчик мой синеокий,
Мой единственный,
Мой сынок.*

*Выйду из дому, встречу Инока —
Прочь берёзы листвяный стон!
Здравствуй, деточка!
Здравствуй, сыночка!*

*Осень. Ветер.
Осенний сон...*

* * *

*Погладь мои крылья,
Любимый,
Мой Ангел,
Мой Ветер Лесной.
Чужое проносится мимо
Горячими клочьями дыма
Сорочьей, синичьей весной.
Расплавленным
Золотом лужи,
Луна и цветок фонаря.
Всё в мире
Забыло о стуже,
Весенней заботой горя.
Но где-то
В зелёном засилье,
В берёзовой глубине,
Найди меня, милый.
Погладь
Серебристые крылья*

Мне.

** * **

*В дыму заката
Солнце тонет,
И остывает алый день.
В далёком колокольном звоне
Луны серебряная тень
Летит в простор хрустальной ночи
И зависает налету.
А толстый кот всё когти точит,
Залётной ночью спать не хочет.
И шорох слышен за версту.
В лесу пустом тропинкой лисьей
В каком-то запредельном сне
Идешь, мой милый. Шорох листьев
Твои шаги несёт ко мне.
И я иду на этот шелест.
Дороги нет, как наяву.
Перебирает золото Велес,
Кидает под ноги листву.
Начнётся утро жёлтой вьюгой,
Злым говором дождливых струй.
И мы найдём с тобой друг друга.
Да что ты, милый,
Не горюй!*

** * **

*Радость моя,
Ты летай надо мной в облаках —
Где-то в далёких, далёких,
Но близких веках.
Там наш июль.
Он не станет уже ноябрём.
Там никогда не расстанемся
И не умрём.
Держат тебя
эфемерные крылья Любви.
Где же ты
В солнечных травных цветущих веках?
Позови!
Эхо взлетит
И откликнется в сердце, звеня.*

*Ты позови, мой любимый,
Окликни меня!*

** * **

*Янтарным ожерельем осень
Лежит внутри светящегося дня.
В неделе дней не семь, а восемь,
Одиннадцать, двенадцать —
для меня.
Когда-то мне цыганка нагадала,
Что злой потерей будет этот год.
И только эхо золотом запоздалым —
Листом берёзы в ноги упадёт.
В один из дней, незнаемый по счёту,
Когда погаснут в небе сорок лун,
Возьму с собой берёзовые ноты
И стану вещью птицей
Гамаюн.
Смотри сквозь ветер,
Видишь ли, любимый,
Сияние живого янтаря?
Но ты опять уходишь мимо —
В глубокий вечный
Омут ноября.
Кричу ли вслед, прошу остановиться,
Ответа нет. И нет пути назад.
И только плачет Огненная птица,
Да по лесам
Гуляет листопад.*

** * **

*Никогда не вернётся осень,
Не заплачет златым дождём,
Вихрем огненным не означает
Осветлившийся окоём.*

*Мальчик мой,
Мой сынок единственный,
Снова в лето с тобой шагнём —
Ты рождён был
Зелёнолиственным
Днём июльским,
Священным днём.*

*Степь да небо,
Да синь-цикорий —
Твой не детский премудрый взгляд —
Принял всё человечье горе,
Как дожди принимает сад.
Он ещё так далёк неведомый
Роковой невозвратный год.
Мы не знаем.
Нет, мы не ведаем.
Свято верим —
Он не придёт!*

ЦАРЬ МОЙ, ДРУГ МОЙ

*Ветер времени воет в трубе
Вселенской печи.
О тебе печаль моя, о тебе,
Не молчи!*

*Через вихри звёзд,
Всепожрающий сон Огня,
Слышишь, милый мой,
Слышишь меня?
Сквозь миллионы
Пылающих прошлых Лун
Я пою тебе вещью птицею
Гамаюн.*

*Льётся голос мой —
Выгорает беда.
Никогда не скажу я себе
«Никогда».*

*** * ***

*Слова значат не то, что ты хочешь сказать,
Поверь мне – совсем не то.
Гляди в глаза, но никогда не смотри назад,
Даже если пройдёт сто
Нескончаемо долгих лет.
Нет правды в словах, мой Амивелех,
Нет её, мой Тутанхамон.
Слышишь, звенит вместо слов смех,
А, может быть, колокольный звон.
Никогда не смотри назад, мой Амивелех,*

*Никогда, мой Тутанхамон.
Тысячи лет пройдут вместо ненужных слов
В шёлковой тишине.
Твой самоцвет, твой Дух —
Твой золотой улов,
Станет спасеньем мне.*

** * **

*Деревья не отбрасывают тени.
А в полночь звёзды
Душу прожигают.
В краю твоём
Я стала привиденьем.
Я – ветер.
Я – струна его тугая.
Остановись, замри —
Мой голос долго
И заунывен, может быть, немного,
Как шелест кедра,
Хвойный звон иголок.
Ты помнишь их,
Мой мальчик-недоτροга!
Тот самый кедр,
Тот самый огонь заката,
Тот самый дом,
Как сон неутолимый.
Мы были там,
Мы жили там когда-то.
Мы просто
Были Ангелом любимы.*

** * **

*Мы видели с тобой один и тот же сон,
На плато, в горные отроги
Был ветром каждый вознесён,
Где долгий бег в пустыне без дороги
Нас должен был соединить.
Небрежно нить ручья в ущелье бросил Велес.
Хотелось пить,
Ты помнишь, пить хотелось.
Но я тебя любила, так любила,
Что ты взлетел к высоким облакам —
Откуда брал ручей своё начало.*

*А я, полёт боясь остановить,
Вдруг замолчала.
И вот одна. Карминовый закат
Пустынным скатом всплыл
Над перевалом.*

В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ

*Ты растворился в каждом и во всех —
У них твои глаза,
Улыбка,
Смех,
У них твоё, твоё сердцебиение,
Движения, поверишь ли, точь-в-точь.
И ты – как все.
И ты уходишь в ночь.
Неоновые гвоздики минут
Тебя минуют, в сердце не кольнут
И кожу не сдерут за опоздание.
Они уже не знают, что крушить.*

*В пустом, но людном зале ожидания
Не больно умереть,
Но больно
Жить.*

КОГДА-ТО

*Тот прежний город – он внутри меня,
Прикинувшись безделицею дня,
Гнёт улицы пустынным лабиринтом,
Дома рисует методом репринта,
Трамвайным звоном в прошлое гоня.
Коронами воздушными искря,
Трамвай в песок кидает якоря,
Из каждого минутного простоя,
Пытаясь что-то выудить живое.
Но лабиринт придуман был не зря.*

*Бежит по рельсам кругом – в никуда
Трамвайных тел железная орда,
Вскрывая на ходу гармошки-двери.
Вот так добычу ожидают звери,
Так в чёрную дыру глядит звезда.*

*Безумная мелодия сама
Включается, колотится в дома —*

*Всё заросло мобильной паутиной.
В ней бьётся крик далёкий журавлиный,
И детский голос: «Мама, мама, ма...»*

ДУША МОЯ

*Мне снится сон, душа моя —
Наш дом, как солнце, в снегопаде.
В нём жизнь и свет! В нём – ты и я,
И кошка, вышитая гладью.
Плутовка с вышивки сойдёт
И на коленях примостится.
А время спит. А снег идёт.
И ночь жар-птицею искрится.
Мне снится сон, душа моя —
В нём жизнь и свет.
В нём ты и я.
И кошка рыжая, и вьюга
метёт сто лет —
и замечает
к дому
след.*

* * *

Люблю Бийск. Это город, где родился и жил мой единственный сын. В этом городе всё о нём – дома, где мы жили; автобусы и трамваи, в которых мы ездили; школы, где он учился; тротуары, по которым он ходил; солнце, которое нам светило.

Бийск, АБ, Мерлина, Мухачёва, Фомченко – Социалистическая – Ленинградская. 1976–2015 г.

30. Моя первая профессия

Мой Бийск – это и почти тридцать лет работы на одном и том же предприятии. Менялись названия (АНИИХТ, НПО «Алтай», ФНПЦ «Алтай»), но суть оставалась, в основном, неизменной – научно-исследовательский институт плюс его производственная база, где происходили внедрения новых технологий. Не стану вдаваться в тонкости, чтобы не нарушить конфиденциальности, но популярным языком всё-таки расскажу, чем мне пришлось заниматься в НИИ, где и реализовалась моя первая профессия – химик-органик.

Химия – роскошная вещь, особенно всё, что связано со строением атомов и молекул. Химические реакции в электронном изображении похожи на танцы странных существ, то протягивающих друг другу руки, то отталкивающих один от другого, то вдруг делящихся на части или поглощающих соседа. Всё как в жизни людей или бактерий. Разница лишь в том, что образованием или разрывом связей управляют электронные заряды, а не чувство голода, например.

Используя вот эти свойства молекул, я и занималась поиском путей создания новых соединений, которые обладали бы заданными характеристиками. Мне нужны были соединения с высокой, очень высокой энергетикой, но низкой температурой плавления. Есть такие классы соединений в органической химии. Сначала нужно было мысленно – теоретически – нарисовать ту молекулу, которая бы имела более высокую энергетику, в сравнении с уже известными. Потом подобрать исходные соединения, что могли бы реагировать друг с другом нужным образом. Далее – найти условия (экспериментально), при которых реакция пройдёт заданным путём. Проанализировать продукты реакции, установить их строение. Найти условия выделения чистого целевого продукта. Изучить его физико-химические параметры, опробовать его в практических условиях применения – в сочетании с другими компонентами ракетных топлив. Затем разработать технологию производства этого нового компонента. Опробовать новую технологию в заводских условиях.

Результатом моей работы явилось создание новой молекулы, которая до моих исследований не существовала в природе. Соединение было изучено, найдены параметры его производства в промышленных условиях. На основе этой многолетней работы я защитила диссертацию и мне была присвоена учёная степень кандидата химических наук.

Так закончилась эта – очень, очень непростая работа. Кроме того, вещества, с которыми мне приходилось иметь дело, были весьма опасны в обращении. Каждый, кто достиг хорошего результата в исследовательской работе на этом направлении и защитил диссертацию – мастер своего дела. И обязательно – творчески одарённый человек. В основе моей диссертации – огромное количество экспериментов, спланированных и проведённых лично мной, более двадцати изобретений и патентов, более сорока научных статей.

Поэтому я прекрасно понимаю, что несёт в себе звание города-наукограда. Бийск, действительно, наукоград – он дал научному сообществу много имён. Это люди, вклад которых в общее дело был логически обоснован, реализован практически, а значит, полезен стране. И не их вина, что политика 90-х обесценила труд многих и многих, отдавших свои творческие силы обороне.

Бийск – АНИИХТ – НПО «Алтай» – ФНПЦ «Алтай». 1973–1999 гг.

31. Моя вторая профессия

Мои книги – это и есть моя вторая профессия. Вот они, все – перед вами:

1. «Дикая мальва» – 1981 г. (г. Барнаул) – стихи – 32 с.
2. «Я вернусь» – 2002 г. (г. Барнаул) – стихи – 80 с.
3. «И ничего о жизни я не знаю» – 2001 г. – Бийск – стихи – 104 с.
4. «Я их любила» – 2003 г. (г. Бийск) – стихи – 170 с.
5. «На улице «Солнечной» – ч. 1 – 2003 г. – (г. Бийск) – рассказы – 50 с.
6. «На улице «Солнечной» – ч. 2 – 2003 г. – (г. Бийск) – рассказы – 50 с.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.